ОКТЯБРЬ
1917 г.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИ200
О-471

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ОКТЯБРЬ 1917

ГИ200
0471 Р

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ К 4 ГОДОВЩИНЕ.

ИЗД. Ю-В БЮРО Ц.К.Р.К.П.
И ДОНСКОГО КОМИТЕТА Р.К.П.

20 отдел. Д.П.О.

Отпечатано 7.000 экз.

Ю-В. Бюро Ц. К. Р. К. П. и Донской Комитет Р. К. П.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГИ200р
О-471

ОКТЯБРЬ

1917 г.

СБОРНИК СТАТЕЙ
— и —
ВОСПОМИНАНИЙ

К 4-й ГОДОВЩИНЕ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1ЭК3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Донское Отделение.
1921

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

R.

П

ГИ200 р
О 471

30-е Отделение Полиграфотдела Ростов н.Д., Старопочтовая 119.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П.(б)

сф
7840

1426
26

211319. У
211319

А. БУБНОВ.

Рабочие и крестьяне

в 1917—1921 гг.

(статья).

I. Пролетариат, крестьянство и наша политика.

Несомненнейшей истиной является положение, что вопрос об отношении к мелкой буржуазии является главнейшим вопросом в пролетарской революции, развертывающейся в такой экономически отсталой крестьянской стране, как Россия.

В резолюции о земельном вопросе, принятой на апрельской конференции партии в 1917 году, читаем: „в зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистам помещикам и к контр революции вообще,—в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции....“

Такой подход к этому важнейшему вопросу обеспечивал правильность основной линии поведения большевиков в дальнейшем, и в то же время возможность такого подхода в этом вопросе была подготовлена всей предыдущей историей большевизма.

На III-м (большевистском) с'езде в начале 1905 года выставлялась задача „самой энергичной поддержки всех революционных мероприятий крестьянства“.... и выдвигался лозунг „немедленной организации революционных крестьянских комитетов“ (курсив мой).

На Стокгольмском с'езде большевики точно и ясно формулировали директиву немедленного захвата земли крестьянами до Учредительного Собрания.

Тов. Ленин так говорит об этом в своем докладе на об'единенном с'езде (в 1906 г.): „Всякие способы аграрного переворота сведутся к либерально чиновничьей реформе, к кадетской реформе, а не к крестьянской революции, если не поставить лозунгом немедленный захват земель самими крестьянами сейчас же на месте, т. е. именно революционными крестьянскими комитетами, с тем, чтобы крестьяне же сами и распоряжались этими захваченными землями впредь до созыва всенародного Учредительного Собрания“ (см. стр. 11—12).

Такой взгляд целиком покоился на убеждении, что крестьянство в Российских условиях является действительно революционным классом, что только его прочный союз с пролетариатом может обеспечить победу революции.

„Решительная победа революции над царизмом“, писал т. Ленин в 1905 г. „есть ни что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“ (см. „За 12 лет“, стр. 462).

Блок с революционным крестьянством и с партиями, отражающими интересы крестьянства; борьба на два фронта—против дворянского самодержавия и против буржуазного либерализма,—вот основная большевистская линия в революции 1905—1907 гг.

Эта идея проносится большевизмом и через годы Столыпинско-Макаровской реакции 1908—1914 гг.

После февральской революции „партия решительно выступает, как говорит апрельская резолюция, за немедленный переход всех земель в руки крестьянства" и одновременно партия ведет решительную борьбу с „мелкобуржуазными колебаниями большинства народников и меньшевиков, советующих крестьянам не брать земель до Учредительного Собрания" (см. ту же резолюцию, пун. 4).

В соответствии с изменившимися условиями борьбы, партия выставляет лозунг перехода власти „в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства".

Упорно, настойчиво и терпеливо разъясняет большевистская партийная агитация свои основные лозунги широким массам рабочих, стремясь оторвать от меньшевиков и эсеров крестьянство.

Основная линия нашей партии в крестьянском вопросе за эти месяцы 1917 года является ничем иным, как прямым и непосредственным продолжением нашей прежней тактики в отношении крестьянства и крестьянского движения. „Первая вытекала из второй и была ею подготовлена".

Она дала возможность нашей партии подготовить почву для завоевания доверия широкой массы крестьянства, подняться на борьбу против помещичьего землевладения. В первый же день октябрьской победы она обеспечила нам поддержку громадного большинства крестьянства.

Как курс „на середняка", принятый VIII-м съездом нашей партии в 1919 году, так и изменение нашей продовольственной политики на X съезде в 1921 году лежал на одной и той же тактической линии, являющейся реализацией того политического опыта, который был пополнен нашей партией за пятнадцатилетний период истории большевизма (1903—1917 гг.). Этот опыт покоился на правильном понимании природы крестьянства, как мелкого производителя, обреченного на постоянные колебания между пролетариатом и буржуазией, между собственностью и борьбой против старого порядка, а также на верной оценке крестьянского движения, как революции, могущей добиться и отстоять свои завоевания лишь в тесном союзе с рабочим классом, лишь опираясь на его победу. Братский союз рабочего и крестьянина, необходимость удержания его прочности для победы и развития революции—вот основная идея, господствующая в нашей крестьянской политике за последнее четырехлетие.

II. Вместе с крестьянством против монархии и помещичьего землевладения.

(Октябрь — декабрь 1917 гг.).

Правительство Керенского всеми способами оттягивало разрешение земельного вопроса и довело крестьян до восстания.

Вот несколько сообщений, относящихся к сентябрю — октябрю месяцам:

Кишинев, 13 сентября. Донесения с мест свидетельствуют о разрастающемся аграрном движении во всех уездах.

Тамбов, 16 сентября. В Софиевской волости Кирсановского уезда началось аграрное движение.

Таганрог, 19 сентября. В волостях Таганрогского округа возникло аграрное движение.

Саратов. 27 сентября. Аграрные беспорядки в Сердобском уезде охватили большой район.

Киев, 3 октября. Получены сведения о разгроме имений и беспорядках в Кременецком уезде,

Николаев, 11 октября. Исполком из опасения, что массовые беспорядки уничтожат в уезде ценные хозяйства, об'явил все частновладельческие хозяйства общенародным достоянием.

Нижний-Новгород, 19 октября. По последним сообщениям, волнениями охвачено шесть уездов.

Меньшевистский автор книги, из которой взяты эти телеграммы, так резюмирует эти сообщения; „уезд за уездом, губерния за губернией охватываются аграрными беспорядками.... Весь сентябрь и октябрь проходят в деревне под знаком этой „анархии". Посылка карательных отрядов не дает осязательных результатов". (См. Октябрьский переворот, сост. А. Попов, стр. 80—81)

Тот же автор отмечает: „целый ряд фактов содействовал тому, что разлившееся по стране недовольство захватывало и армию...." (ст. 84).

Деревня и крестьянская армия стихийно поднимались против правительства, мешавшего ликвидации старого порядка. Мелкобуржуазные массы поворачивали к пролетариату и пролетарской партии.

Октябрьская победа сразу обнаружила, что большевистская власть поддерживается громадным большинством крестьянства.

На 2-м Всероссийском с езде Советов в вступительном слове к „Декрету о земле" т. Ленин сказал: „Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле, вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты". При этом в декрет был включен крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов. Это было сделано, как указывает т. Ленин, „чтобы доказать крестьянам, что пролетарии хотят не командовать ими, а помогать им и быть их друзьями".

В своей речи на с'езде, на возгласы, что декрет и наказ составлены эс эрами, т. Ленин ответил: „Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда". К такому шагу мы были подготовлены всем предыдущим опытом большевизма. Он (этот шаг) вне всякого сомнения, закрепил за пролетариатом и его партией доверие широких масс деревни и армии. Организационным выражением его была происходившая в октябре—декабре 1917 г. массовая смена соглашательских армейских, крестьянских и пр комитетов, Всероссийского Совета Крестьян. Депутатов, В.Ц.И.К.-а и т. д.

II, III, V, X и XII-я армия одна за другой сбрасывали свои старые армейские комитеты и выбирали новые.

15-го ноября в Смольном на торжественном заседании В.Ц.И.К-а Петроградского Совета, совместно с членами Крестьянского с'езда было утверждено соглашение между В.Ц.И.К.-ом, президиумом Крестьянского с'езда и Викжелем.

Принятая резолюция пров зглашала:

„Соединенное заседание Ц.И.К. и Всер. Кр. с'езда выражает твердую уверенность, что союз рабочих, солдат и крестьян, этот братский союз всех трудящихся и эксплоатируемых укрепляя завоеванную ими государственную власть и принимая с своей стороны все революционные меры к ускорению перехода власти в руки трудящихся масс в других, более передовых странах, обеспечит, таким образом, прочную победу справедливого мира и делу социализма".

Пролетарско крестьянский союз был заключен и закреплен. Под напором его, как карточные домики, рассыпались все происки контр революции. Октябрьская революция совершила свое триумфальное шествие.

III. Против кулака, под знаменем социализма.

(Май — декабрь 1918 г.).

В октябре, как указывалось на это неоднократно, за нами шло все крестьянство целиком. Союз рабочего и крестьянина покоился на том, что они вместе доламывали остатки крепостничества и делали решительные шаги к заключению справедливого мира.

Через Брестский мир Советская Россия подошла к организационной задаче — создать прочный аппарат пролетарского государства в центре и на местах, установить рабоче-крестьянский порядок в стране.

Тем временем контр революция крепнет. В марте—апреле немецко-гайдамацкие войска занимают всю Украину. В середине апреля Центральная Рада выбрасывается из Киева. Волею немецких генералов устанавливается власть гетмана Скоропадского. Контр революция овладевает Донецким бассейном и Доном.

Начинается полоса контр-революционных выступлений и заговоров в центральных и поволжских губерниях.

В половине мая возникает чехо-словацкое восстание. В течение мая—июня она расползается по Сибири и Поволжью. На Мурмане высаживается англо французский десант. По всей стране прокатывается волна кулацко-офицерских контр-революционных восстаний.

Пролетарское государство охватывается кольцом контр-революции. Продовольственное и общехозяйственное положение чрезвычайно ухудшается.

Выступление кулацких верхов деревни, поддержанное в некоторых местах середницкими слоями, переводило крестьянскую политику пролетарского государства на новые рельсы.

Необходимо было в самой деревне создать твердую опору Советской власти, организовать бедноту, поставить среднее крестьянство перед выбором—с кем, с пролетарским государством против кулака или с вооруженными рабочими против союза кулака с офицером, тянущим назад, к помещику.

С мая месяца возобновляется натиск на капитал; все мероприятия в области продовольствия идут под знаком похода на кулака. В мае издаются декреты о продовольственной диктатуре, о рабочих продовольственных отрядах за излишками хлеба, об организации комитетов деревенской бедноты и т. д.; Московский и Петербургский Советы издают постановления о классовом пайке. Начинается организация деревенских низов, их классовое оформление, развертывается процесс классового расслоения деревни, перенесения в нее гражданской войны.

„Все, знающие дело и бывавшие в деревне, писал в свое время т. Ленин, говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 года переживает сама „октябрьскую (т. е. пролетарскую) революцию"... (см. Ленин Пролет. революция и ренегат Каутский, ст. 78, Петрогр. изд., курсив автора).

VI Всероссийский Съезд Советов (в ноябре 1918 г.) принял резолюцию о роспуске комбедов. Таким образом, Комитеты бедноты действовали около полгода. Ими была проведена громадная работа по сплочению пролетарских и полупролетарских элементов деревни против кулачества.

Беднота крестьянская осознала себя, как класс. Союз рабочего города с пролетарием и полупролетарием деревни окреп, приобрел четкую классовую физиономию, закалился в горниле обостреннейшей классовой войны.

Средние слои деревни были вырваны из под безраздельной власти кулачества.

Кулаку был нанесен жесточайший удар, его господство было в корне подорвано.

На этом пока происходили крупные изменения в области политических группировок,—левые эсеры дошли до восстания против пролетарского государства (в июле 1918 г.), распались на несколько групп и перестали существовать, как крупная политическая партия.

В Сибири, на Урале и на Украине в обстановке значительно более сложной происходил также процесс практического изучения крестьянством науки о государстве. Здесь оно сидело еще на подготовительных курсах, проходя через режим меньшевистско-эсеровских директорий (Арксентьевской в Сибири и на Урале, Петлюровской на Украине). Но уже и там генеральская палка весьма наглядно разъяснила трудовому крестьянству сокровенный смысл разговоров о „демократии" и „учредиловке".

Так, крестьянство входило и проходило полосу социалистической революции.

IV. В огне гражданской войны.

(1919—1920 гг.).

Эти два года были годами почти непрерывной борьбы пролетарского государства против натиска генеральско-империалистической контрреволюции.

Генералы Деникин и Юденич, адмирал Колчак, маршал Пилсудский и барон Врангель—вот основные персонажи контр-революционной трагикомедии.

Не один, не два, а десятки раз поддерживало крестьянство пролетарскую диктатуру против генерала, помещика и кулака. И обратно, не

один, не два, а десятки раз переметывалось оно к генеральской контрреволюции.

В огне этих грандиозных схваток и сложился тот фундамент, на котором покоится мощь, рабоче-крестьянской республики. В чем же основной исторический смысл и главнейшие уроки опыта этих двух лет?

Вопрос о среднем крестьянстве встал, как практический вопрос политики нынешнего дня лишь после того, как комбеды провели свою работу организации бедноты против кулачества, работу классового расчленения деревни. Тогда этот вопрос встал, как деловой, практический вопрос. Он обострился особенно после того, как мы вступили в полосу ожесточенной гражданской войны с генералами. Роль и значение середняка в этой войне были решающие.

Комбеды создали основную базу для местных органов пролетарской диктатуры. Устойчивость органы Советской власти могли приобрести лишь после того, как средний крестьянин встал на нашу сторону. Натиск генеральский мы могли выдержать и раздавить только притом условии, если середняк в массе высказался бы за нас.

Капиталистов мы экспроприировали, с кулаками были и не могли не быть на ножах, но середняка пролетарская власть не хотела ни экспроприировать, ни подвергать разгрому, наша политика в отношении середняка должна была быть совсем иной.

На VIII-ом партийном съезде т. Ленин в политическом отчете ЦК. сказал: „Мы можем линию нашей партии, которая недостаточно шла на союз, на соглашение с средним крестьянством, мы эту линию можем и должны выправить и выправить".

В принятой резолюции съезд указал партии на то, „что в настоящий момент особо важное значение имеет более правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству, в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со стороны местных властей и стремления к соглашению с ним". В дальнейшем это положение было подчеркнуто еще раз: „Политика рабоче-крестьянского правительства и коммунистической партии, говорит резолюция, „должна вестись и впредь в этом духе соглашения пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством". (курсив мой).

Было ясно, говоря словами Ленина, что „мы не можем рассчитывать, чтобы средний крестьянин стал немедленно на нашу сторону", но все же определенной политикой можно было в конце концов добиться этого результата.

Два года войны с генералами и давали картину колебаний среднего крестьянства между диктатурой пролетариата и диктатурой империалистской буржуазии. Эти колебания, одинаковые по своему типу, в разных районах проходили по разному, — в Поволжьи не так, как в Сибири, в Сибири не так, как на Украине.

Но и Колчак, и Деникин были разбиты красной армией именно потому, что после долгих колебаний, практического сличения режимов, в решающий момент средний крестьянин поддержал власть большевиков. На Украине крестьянство прошло через комитеты незаможных селян, которые сыграли там роль, похожую на роль комбедов в Великороссии. Но комнезаможи распространились, окрепли и смогли выполнить свою задачу только после очень долгих колебаний, которые проделало украин

ское селянство, пройдя через режим гетманщины, офицерско-кулацкой директории генерала Деникина. Только после всего этого кровавого опыта удалось Советской власти ликвидировать безвластие в деревне и создать устойчивый аппарат рабоче-крестьянского государства в уездах, волостях и селах.

Различными путями, но мы все же после двух лет ожесточенной войны добились того, что пролетариату и беднейшему крестьянству удалось на деле, в самой жизни установить соглашение со средним крестьянством. Так, в результате бесконечных колебаний и тягчайшего опыта установился этот союз пролетария бедняка и середняка. Он создался и укрепился в огне гражданской войны.

В капиталистическом окружении, под напором мелкобуржуазной стихии.

(Начало 1921 г.).

В начале 1921 года этот, прошедший через такой кровавый опыт союз опять заколебался. В первые месяцы текущего года нам пришлось пережить внутренний политический кризис небывалой остроты и глубины.

Зажатой в тисках империалистической блокады, советской стране не удалось наладить работу по восстановлению разрушенного хозяйства. Хозяйственный кризис углубился чрезвычайно, докатился до деревни, нашел свое выражение в разрухе мелкого крестьянского хозяйства.

Мелкий производитель, разоренный войной, истощенный хроническим бестоварием, вынужденный нести тяжелое бремя натуральных повинностей, и в то же время освободившийся от непосредственной угрозы помещичьей реставрации, в массовой форме заявил свой протест против государства пролетарской диктатуры. Ряд кулацких восстаний, усиления бандитизма, Кронштадтский мятеж—такова цепь событий этого порядка.

Удержать во что бы то ни стало союз рабочего и крестьянина, восстановить его немедленно—такова была задача, вставшая перед советской властью и коммунистической партией. В результате явилась новая экономическая политика. Старый союз рабочего, бедняка и середняка был восстановлен. Перед нами в новой обстановке стоит старая задача—повести за собой крестьянство, на деле, в работе экономического строительства доказать ему силу и уменье пролетарского государства. Решение этого вопроса в будущем. Сейчас мы можем лишь сказать,—за четыре года пролетарской диктатуры в труднейших условиях удавалось нам сохранять и даже увеличивать прочность братского союза рабочего и крестьянина; на-лицо все данные, чтобы в новой исторической обстановке снова решить его в положительном смысле.

Я. РОВИЧ.

Историческая необходимость

17 го Октября.

(статья)

Еще в 1917 году тов. Ленин в своем „письме из далека“ указал, что, „Чудес в природе и в истории не бывает, но всякий крутой поворот истории, в том числе и всякая революция, дает такое богатство содержания, развертывает такие неожиданно-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношение сил борющихся, что для обывательского разума многое должно казаться чудом“. Выяснить необходимость 17 го Октября значит раскрыть основные действующие силы революции, классовые группировки, создавшиеся в связи с изменением экономических и политических условий России в непосредственно предшествующую мировой войне эпоху и во время империалистической войны. Перед нами стоит вопрос, почему изменилось настроение широких масс в пользу большевиков и почему рабочий класс мог завоевать государственную власть в России? Является ли это простой случайностью или неизбежным результатом развития капитализма не только в России, но и во всем мире.

Революция 1905 — 1907 года и реакция с 1907 — 1914 г. обнажила всю несостоятельность и непригодность монархии.

Господствующий класс помещиков поддерживающий преступным деяниям монарха и придворной клики, очутился перед новыми вопросами государственной жизни, которые он не мог понять вследствие своей классовой идеологии и своих классовых интересов. Желание отстаивать свое положение в государстве и в обществе перед лицом вырастающих сил пролетариата и трудового крестьянства толкало его на путь политики и кровавой расправы. Кровные интересы широких народных масс показались им вредными и преступными по отношению к традиционному государству и общественному порядку. Развивающиеся в последние десятки лет капиталистические производственные отношения в корне изменили условия жизни большинства русского народа. Все распространяющееся денежное и товарное хозяйство окончательно расстроил идиллический уклад крестьянской жизни. С каждым годом все больше и больше накоплялось фактов, доказывающих широким массам беспечную жизнь правящих кругов и безразличное отношение к нуждам и чаяниям народных масс. Постепенно, но безостановочно само правительство своей политикой разрушало доверие к нему трудящихся. Период реакции поэтому можно назвать периодом классового самоопределения и развития классового сознания.

С наступлением мировой войны появляется целый ряд новых вопросов государственной и общественной жизни, которые требуют немед-

ленного разрешения. Правительство, чувствуя свое бессилие в деле обеспечения армии и ведения войны пускается на разные интриги. Классовые противоречия, существующие до войны, теперь выявляются с очевидной яркостью. С объективной неизбежностью обостряется классовая борьба пролетариата и развитие революционного сознания пролетариата получает новые толчки. Отдельные стычки пролетариата с буржуазией и правительством способствуют распространению революционного настроения среди более широких масс трудящихся, каждое новое выступление пролетариата захватывает большее количество трудящихся, пока, наконец, классовая борьба пролетариата превращается в открытую революционную гражданскую войну и монархическое и монархическое правительство падает под революционными ударами пролетариата и трудового крестьянства.

Таким образом, период гражданской войны начинается с февральско-мартовской революции 1917 г. С первых дней существования так называемого Временного Правительства было ясно, что классовые противоречия настолько обострились, что говорить о каком бы то ни было сотрудничестве классов равнозначительно отсутствию всякого здравого смысла. Крупная буржуазия и по буржуазному настроению часть помещиков, очутившаяся у власти по воле революционного народа, с первых дней своего царствования стремилась к укреплению буржуазного государственного устройства и к уничтожению революционных органов рабочих и крестьян Советов рабочих и солдатских депутатов. Они понимали, что управлять Россией по буржуазному, значит, подчинить буржуазному Временному Правительству Советы, которые мешали осуществлению программы буржуазных партий. Вопрос о власти становится основным вопросом революционного народа, т. к. от разрешения этого вопроса зависит разрешение всех остальных вопросов революционной России.

Отличительным признаком Русской революции в этот период является факт создания двоевластия: рядом с Временным Правительством сложилось и все время работало правительство Советов. Первое состояло из буржуазии, второе из рабочих и солдат, т. е. крестьян в солдатских мундирах. Советы представляли диктатуру революционного народа, т. е. они представляли собой власть, выросшую из непосредственного почина революционных масс и революционного захвата, которая в этот период стремилась к обеспечению революционного порядка посредством вооруженных рабочих и крестьян, и к контролю буржуазной власти Временного Правительства. В этом двоевластии выразилось высокое классовое сознание рабочих и крестьян, которое никакими средствами устранить было невозможно: оно—результат целого периода исторического развития капитализма в России и опиралось на конкретные жизненные условия пролетариата и крестьянства. Кто разбирался в последних, тому было ясно, что очередным вопросом революции являлся вопрос о свержении буржуазного Временного Правительства. Партия большевиков так и ставила вопрос и с этой целью выдвинула лозунги: „Вся власть Советам",—„Долой империалистическую войну".

Рабочие и крестьяне после целого ряда неудач царских армий и поражений, освободились постепенно от патриотического угара первого года войны. Война разорила страну, уничтожила ее незначительные производственные силы и рессурсы, привела к расстройству сельское хозяйство. Снабжение армии с каждым днем ухудшалось. Промышленники и помещики от своих доходов отказаться не хотели. В результате полу-

чилось, что трудовые крестьяне не могли заниматься сельским хозяйством за неимением земли и необходимого инвентаря, а помещики сократили площади засева потому, что это способствовало повышению цены на хлеб, а это делало выгодным уменьшение размеров земледельческого производства крупных землевладельцев. Промышленники также могли вести и расширить размеры производства, пока это дает им нормальную прибыль. Как только эта возможность прекращается, они сокращают свое производство. Эти основные интересы помещиков и крестьян делали затруднительным ведение войны царским правительством и способствовали развитию революционного сознания наших рабочих и солдат. Но после февральской революции интересы этих классов пришли в открытое столкновение с интересами широких масс революционного народа.

Рабочие и крестьяне самоотверженно боролись против царской власти за свободу, за землю для крестьян, за мир против империалистической войны. Англо-французские капиталисты, в интересах продолжения войны подстрекали и обнадежили правительство Гучковых и Милюковых, правительство класса капиталистических помещиков и буржуазии участвовать в войне до победного конца. Временное правительство обещало народу свободу, убеждало, его в необходимости войны. Когда после всего этого все-таки представителям крупной буржуазии приходилось считаться с народным настроением и возмущением против буржуазии они вошлили в правительство представителей мелко-буржуазных партий с.-рев. которые, злоупотребляя доверием трудящихся масс, продолжали политику буржуазных партий. Но политика обмана не может быть политикой продолжительной, или, вернее, политика обмана—не политика. Все разговоры „о сотрудничестве классов", „об об'единении живых сил", которыми занимались с-ры и меньшевики, не могли дать реальных результатов. Сотрудничество классов иногда возможно и необходимо, но только таких классов, интересы которых не во всех отношениях противоречили друг другу. Только классы, кровно заинтересованные в развитии и углублении революции, могут сотрудничать, потому, что при этом условии они в своих целях оба революционны. На этом основании наша партия с самого начала указывала, что единственные классы, которые могут об'единиться на почве революционной борьбы с буржуазией, помещиками и генералами—это рабочие и крестьяне; она ставила своей задачей раскрывать глаза народу на политику обмана буржуазных политиканов, вовлечь широкие слои трудящихся в революционную борьбу и учить их полагаться на свои силы, свою организацию и свои жертвы.

Экономическое положение России в этот период ухудшалось с каждым днем, политика с-ров и меньшевиков во Временном Правительстве, вследствие нерешительности самых членов правительства, усугубляла положение, нужда масс рабочих и крестьян обострялась с каждым днем. Рабочие и крестьяне, разочаровавшиеся в соглашательской политике мелко-буржуазных партий, искали выхода, начали изучать программы и работу партий. Революционное настроение масс росло и ему необходимо было проявиться в революционных действиях. Оно является основанием революционного движения и революционных переворотов. Наша партия на основании общего экономического положения страны и во всем мире определила программу действий пролетариата с расчетом

на сотрудничество с мелким крестьянством. Революционные массы нашли эту программу приемлемой и подчинились руководству нашей партии, как авангарду революции.

Многие, самые благонамеренные меньшевики долго искренно боялись революционных масс. Они были того убеждения, что революция, может быть осуществлена только „сознательными" революционерами, они отрицали возможность перехода революционного настроения в революционное убеждение посредством массовых революционных действий. Их ошибка заключалась в том, что они думали, что революции совершаются сознательными, т. е. теоретически убежденными и практически осведомленными с приемами революционной творческой работы. Они упускали из виду, что революционная практика приобретается в процессе революционных действий и что на основании определенной революционной практики лишь возможна правильная оценка революционной теории. Революция начинается с чрезмерным увеличением нужды и отсутствием возможностей, кроме революции, выйти из этой нужды На почве последней создается революционное настроение масс, которое при известном напряжении п р е т в о р я е т с я в революционные действия масс. Революционные массы в разгар революционного переворота могут действовать лишь под руководством революционной классовой партии. Классовая партия является в период революции существеннейшим фактором для успеха революции.

Об'ективная неизбежность Октябрьского переворота заключалась в почти окончательном замирании хозяйственной жизни. Буржуи-предприниматели крупной промышленности, недовольные податливостью по отношению к рабочим членов правительства от мелко-буржуазных партий, саботировали производство и укрывали материалы, орудия производства и др средства производства, об'являли о недостатке таковых и закрывали заводы, рабочие очутились без работы. Помещики занимались спекуляцией и перепродажей своих земель, а крестьянство, чувствующее недостаток в земле, не могло своим трудом прокормить себя. В результате голодали солдаты, крестьяне и рабочие Выход из создавшегося положения был лишь один: дать землю крестьянам, пустить заводы и фабрики и прекратить войну. Временное правительство могло бы все это делать при помощи трудящихся масс, принуждая буржуазию и помещиков пустить в работу свои предприятия даже в том случае, если это им невыгодно, но необходимо для государства. Но будучи по существу буржуазным правительством, оно на это итти не могло, а как исполнительная власть своего класса взялась за борьбу с „крамолой", под которой оно понимало всякое отстаивание интересов трудящихся в ущерб буржуазии и помещикам.

Всякие чаяния масс к революционным действиям безжалостно подавлялись как „большевизм" и „анархия". Под давлением голода крестьяне захватывали самочинно земли помещиков для обработки, рабочие—заводы и фабрики. Временное Правительство их об'явило большевиками и ставило их вне закона. Отдельные случаи учащались и, наконец, об'единились в один мощный поток революционной энергии Октябрь являлся временем, когда все слои населения почувствовали необходимость изменения отношения правительства к массам во имя спасения жизни десятков миллионов рабочих и крестьян и самой революции. Наша партия

предложила им план действий и свои услуги по руководству. Они приняли все и с тех пор революционные крестьяне и рабочие во главе с нашей партией являются самым мощным революционным отрядом в международном революционном движении пролетариата. Временное правительство было свергнуто и диктатура пролетариата осуществлена. Власть буржуазии погибла безвозвратно в России и уже слышен шум революционных волн международной социалистической революции, которые вот вот унесут в вечность исторический позор человечества—буржуазные государства и власть. Будущий историк с облегченным чувством человеческого достоинства, изучая гибель буржуазного мира, повторит меланхолически слова древнего мудреца; Sic transit gloria mundi—так проходит безумная слава.

А. БУБНОВ.

Ноябрь в Ростове

(26 ноября—2 декабря 1917 г.)

15-го ноября 1917 г. (по старому стилю) по поручению Ц. К. партии и коллегии нарком-пути я отправился в об'езд крупнейших жел. дор. узлов Юга. Пробыв несколько дней в Харькове, я выехал в Ростов, где мне довелось принять ближайшее участие в вооруженной борьбе против генеральско-юнкерской контр-революции.

Центром контр-революционных домогательств был Ростов, и захват его нами в конце ноября был первым натиском пролетарской революции на Дону.

Сигнал к вооруженной схватке был дан контр-революцией, первая победа досталась нам.

Генеральско-юнкерское восстание в Ростове началось тройным нападением: в ночь на 27-ое ноября банда юнкеров совершила разбойничий налет на Совет; одновременно юнкера и кадеты напали на бараки, в которых помещался 252-й полк и, наконец, вечером того же 27-го генерал Потоцкий с юнкерами и казаками укрепился на станции Ростов.

Первое нападение не дало вдохновителям найти того, чего они добивались,—им не удалось арестовать Военно-Революционный Комитет; второе—было отбито солдатами, и юнкера, отброшенные к линии железной дороги, засели на станции Нахичевань; третье не могло быть быстро ликвидировано, и революционным войскам пришлось повести правильную осаду ростовского вокзала. Таким образом 27-го—ночь на 28-ое борьба сосредоточилась около двух пунктов—станции Нахичевань и Ростовского вокзала.

Вечером 27-го юнкера были выбиты со ст. Нахичевань и отступили по направлению к Новочеркасску; утром 28-го после нескольких атак казаки на ст. Ростов сдались и генерал Потоцкий и его штаб были арестованы.

Об этом мной по радио (с яхты „Колхида"), была дана радио-телеграмма в Петроград председнаркома т. Ленину.

С 28-го ноября за Ростовским вокзалом происходили лишь отдельные стычки с казацкими отрядами, центр борьбы с калединскими войсками переместился на территорию Нахичевани. Здесь в течение четырех дней (28 ноября—1 декабря) происходила непрерывная перестрелка.

Юнкера занимали Аксайскую и оттуда повели нападение на Нахичевань, бомбардируя с занятых ими позиций завод Аксай и ближайшие к нему Нахичеванские улицы из легкой артиллерии.

Войска военно-революционного комитета расположились в местности перед Нахичеванью, Черноморская флотилия с Дона поддерживала их артиллерийским огнем.

Военно-Революционный Комитет, понимая, что такое положение не может продолжаться долго, неоднократно обсуждал вопрос о переходе в на-

ступление на калединские войска. Но наступление могло быть успешным лишь в том случае, если бы к Ростовской красной гвардии и гарнизону пришли свежие силы. Они были крайне необходимы. Красная гвардия стойко выдерживала юнкерские налеты, но она была малочисленна и недостаточно хорошо сорганизована, гарнизон начинал уставать от упорной борьбы с калединскими бандами и нуждался в поддержке.

В.-Революционный Комитет разослал делегации в Харьков, Таганрог, Азов, Батайск, на Черное море и пр. с призывом к организациям придти на помощь рабочим, солдатам и матросам в их борьбе с Калединым. Одновременно с этим В.-революционный комитет работал над укреплением своей власти в городе,—он овладел почтой, телеграфом, телефоном, послал своего представителя в отделение государственного банка, энергично вмешался в дело организации продовольствия и т. д.

Управление городом переходило в руки революционного народа и вот здесь то обнаружилось, что большевистский В.-революц. комитет об'единил вокруг себя все группы трудовой демократии, за ним шли Ростовские рабочие, его дружными рядами поддерживали железнодорожники, телеграфисты, почтовики, служащие телефона и пр. Был только один случай протеста против „захвата власти большевиками"—это забастовка телефонисток, которые бросили работу под влиянием меньшевистских „отцов города"; но продолжалась эта забастовка всего—всего полтора дня.

Городская Дума заняла позицию нейтралитета, но это был чрезвычайно своеобразный нейтралитет,—делегация Думы не только непрерывно металась между в.-революц. комитетом и ставкою генерала Каледина, но и занималась подлым делом разложения Ростовского гарнизона.

Пользуясь тем, что все члены Ревкома и штаба были целиком заняты боевой работой, Ростовские меньшевики шныряли по полкам гарнизона, где они проводили свои гнусные резолюции. Вот одна из них:

„Собрание президиумов полковых комитетов и командиров полков ростовского гарнизона, выслушав представителей военно-революционного комитета и городских дум Ростова и Нахичевани на Дону постановило:

1) предложить полковым комитетам немедленно отозвать представителей Ростовского гарнизона из военно-революционного комитета, как организации, об'единяющей лишь часть демократии;

2) немедленно потребовать от военно-революц. комитета из'явления согласия на вступление в мирные переговоры;

3) поставить в известность военно-революц. комитет, что в случае отказа в.-р. комитета от вступления в переговоры—собрание всю тяжесть ответственности за дальнейшее кровопролитие возложит на в.-р. комитет и будет всеми силами протестовать против действий в.-р. комитета.

Одновременно собрание заявляет, что оно не допустит единой власти войскового правительства в области и всеми силами встанет на защиту завоеваний революции, свобод и прав не казачьяго населения области, если войсковое правительство не примет условий, пред'явленных об'единенной демократии, вышедшей из состава в.-р. комитета».

Эти жалкие людишки, делая свое контр-революционное дело, в то же время пытались доказать свою преданность «завоеваниям революции», глупо лепеча, что они не допустят „единой власти войскового прави-

тельства". Можно представить себе, как хохотал генерал Каледин, читая эти юмористические заявления.

Венцом всех этих штук явился созыв меньшевиками и эсерами так называемого „демократического совещания". Это совещание было созвано вечером 1-го декабря в тот момент, когда революционные рабочие и солдаты Ростова напрягали последние силы для отражения наступающего врага. Большевики в совещании участия не принимали.

Резолюция этого совещания, вынесенная в момент напряженной борьбы между калединскими войсками и пролетарскими отрядами, является столь ярким образчиком меньшевистского тупоумия преподлейшего предательства, что вполне достойна быть сохраненной для потомства.

Вот эта резолюция полностью:

«Признавая: 1) что с провозглашением свободы, равенства и братства борьба оружием недопустима, а пролитие братской крови преступно. 2) что никакие цели не могут оправдать такие средства, как разбойное нападение на демократические организации, гражданская война, расстрел мирных жителей и военное положение, 3) что захват власти и насаждение ее с помощью оружья в то время, когда народ в лице Учредительного Собрания мирно готовится осуществить свою свободную волю, есть грубое насилие над народной волей и узурпация его державных прав, принимая все это во внимание, собрание постановило:

1. Считать, что только все население Донской области через своих представителей на общем с'езде в праве разрешить спор власти, а потому требовать немедленного созыва такового с'езда.

2. Призвать товарищей солдат, казаков, матросов и рабочих не принимать участия в братоубийственной войне в этом позорном для революционной демократии, провозгласившей мир всему миру, деле.

3. Немедленно предложить военно-революционному комитету, матросам и калединским отрядам прекратить всякие военные действия, считая, что на сторону, отказавшуюся мирно ликвидировать конфликт и сложить оружие падет вся ответственность за пролитую кровь.

4. Поддержать демократические организации, об'единившиеся вокруг городских дум, стоящие на охране мирного населения и старающиеся мирным путем ликвидировать гражданскую войну.

5. До созыва с'езда власть передается войсковому Правительству, пополненному в равном числе представителями советов крестьянских и солдатских депутатов и городских дум всей области.

6. Присоединиться ко всем положениям, выработанным представителями демократических организаций, вышедших из состава областного военно-революционного комитета.

7. Предложить черноморской флотилии употреблять в дело оружие только по просьбе всего населения.

8. Требования свои собрание обращает, как к войсковому правительству, так и к военно-революционному комитету, для чего избрать специальную делегацию в составе представителей городских дум, совета крестьянских депутатов, областного военного комитета, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, полковых комитетов и солдатских депутатов и союзов увечных воинов для

поездки завтра же, 2 декабря, в Новочеркасск на заседание войскового круга и поручить президиуму передать решение настоящего собрания военно революционному комитету.

9. Поручить всем, находящимся на настоящем заседании представителям рабочих солдат и крестьян завтра же собрать своих избирателей обсудить создавшееся положение дел и решение настоящего собрания и резолюции доставить в городскую думу.

10. В воскресенье, когда будут известны ответы, как военно революционного комитета, так и войскового круга собрать такое же собрание для обсуждения конкретных практических мер проведения в жизнь решения настоящего собрания.

Результаты лакейского пособничества меньшевиков генеральской контр-революции не замедлили сказаться.

2 го декабря город Ростов был снова во власти правительства генерала Каледина. Наша победа была кратковременна. Первый натиск пролетарской революции на Дону разбился о вооруженные силы войскового правительства и непоколебленную еще косность масс казачества. Недаром донской казак тов. Подтелков—один из дальновиднейших вождей трудового казачества говорил впоследствии: „с тревогой смотрели мы на борьбу Ростовских рабочих с войсками Каледина, знали, что борьба эта не может закончиться прочной победой рабочих, а сами ничем не могли помочь нашим братьям".

Рано утром 2-го декабря мы (тов. Сырцов и я, ночевавшие на «Колхиде») были извещены по телефону из „Марса", где помещался штаб красной гвардии, что казаки наступают на Нахичевань, что красногвардейцы, отступают, и полки сдались. Приехав в „Марс" и выяснив полную безнадежность положения мы решили сорганизовать вооруженный поезд и прорваться с остатками красно гвардейских отрядов на Таганрог. С этой целью на вокзал на вооруженной пулеметами машине был отправлен если не ошибаюсь, тов. Иванов (не то казак, не то унтер-офицер). Местом сбора была назначена набережная Дона около стоянки „Колхиды". Когда я вместе с С. И Сырцовым спустился к Дону, то ни поезда, ни „Колхиды" там не было; по берегу бродило человек 20—25 красногвардейцев и солдат. Поднявшись наверх, на гору, мы встретили т.т. Жакова и Васильченко, и, устроив краткое совещание, признали сопротивление невозможным и разошлись. Я и Сырцов вместе пошли в город.

Центральные улицы были полны беспорядочного движения,—быстро шли одиночные и небольшие группы с винтовками, изредка пролетали автомобили, попадались извозчики, нагруженные винтовками и ящиками с патронами.

Через несколько часов (часа в 3—4) на Б. Садовой я видел уже казацкие отряды и устанавливаемую на улице трехдюймовку.

С наступлением темноты по Б. Садовой со стороны Нахичевани прошли по направлению к вокзалу юнкера. Около вокзала стояла артиллерия; внутри вокзал был битком набит вооруженными казаками юнкерами, студентами, гимназистами и даже какими то женщинами с винтовками за плечами.

Пролетарская революция в Ростове была задавлена. Ей неудалось закрепить свою первую победу.

В заключение приведу два калединских воззвания к Ростовскому населению:

От войскового атамана.

Город занят Войсками Войскового Правительства.

Жители приглашаются сохранить полное спокойствие, так как имущество и безопасность граждан будут охраняться всеми мерами.

Введенные в город войска останутся до полного разоружения красной гвардии и ухода моряков.

Все граждане, имеющие оружие от военно-революционного комитета, приглашаются сдать оружие в 24-часовой срок в помещение градоначальства.

Несдавшие оружия будут судимы по закону военного времени.

Войсковой атаман КАЛЕДИН.

Воззвание Войскового Правительства.

Войсковое правительство просит всех граждан г.г. Ростова и Нахичевани н-Д. не пускать красногвардейцев как во дворы, так и на крыши домов.

Войсковое правительство также просит, чтобы граждане совещовали красногвардейцам нести добровольно оружие в помещение „Марса", дабы избежать кровавых столкновений.

М. ЖАКОВ.

Начало гражданской войны.

(октябрь—декабрь 1917 года).

I.

Прошло целых четыре года—самых мятежных во всей истории человечества, самых богатых, полных событий в жизни каждого из нас...

Не все вспоминается теперь отчетливо и последовательно, многое представляется, быть может, в совершенно другом освещении, а многое совершенно изгладилось из памяти...

Были ли мы на Дону готовы к октябрьскому перевороту?

Об'ективные условия сложились, пожалуй, выгоднее, чем это представлялось тогда нам, в организационной же подготовке и отчасти в сознании мы несомненно отставали от встававших перед нами задач.

Наша организация распространялась по промышленным пунктам от Ростова на север и запад—к Таганрогу. Юзовке, Бахмуту, Луганску и Миллерово, имея там прочную основу в шахтерах, влияние же достаточно сильное, чтобы при малейшем воздействии с нашей стороны оно реализовалось в самой активной помощи, мы имели и на широкие слои крестьянства, и на все расположенные в области 12 полков пехоты и даже на часть казачества в значительно более обширном районе.

Однако ни в какой степени мы не учли положения и не использовали его выгоды для разгрома контр-революции при первом же с ней столкновении. Мы думали о самообороне, когда нужно было готовить нападение.

Ростов „ушел в себя", как только настала пора действовать, потеряв на время даже те связи, которые были наиболее надежными и прочными, смотря на безоружных шахтеров и крестьян как только на морально нас поддерживающую массу, и совершенно переоценивая реальную силу контр-революции.

Мы дали Каледину возможность свободно собирать те активные крохи, с которыми он мог начать действовать, предупредить вооружение шахтеров, разоружать пехоту, внедряться в самый Ростов и приготовиться к нападению на нас.

Это было нашей колоссальнейшей ошибкой, которую мы уже не смогли (а может быть только не сумели) исправить во время самых боев в конце ноября, когда некоторые тов. во главе с т. Васильченко предлагали произвести с двумя ротами солдат и частью красной гвардии ночное нападение на станицу Аксай—ставку Каледина, пользуясь установившимися тогда перерывами боя на ночь,—нападение, которое руководивший нашими войсками поручик Арнаутов считал возможным только при наличии в своем распоряжении хорошо дисциплинированной регулярной части.

Впрочем, наши партийные силы были еще весьма малы для широких организационных мероприятий, а Ростовская атмосфера, которой мы дышали, весьма содействовала недооценке нами наших сторонников в области и настроениям самообороны.

Здесь, в Ростове, мы накануне октябрьского переворота только-только собирались с силами и ощупью шли по новым руслам. Перевыборы в начале октября не дали нам абсолютного большинства, влияние меньшевиков оставалось весьма значительным, и только при поддержке беспартийных наши резолюции проходили в Совете. Но президиум был уже наш, мы создавали секции и отделы, мы постепенно и понемногу овладевали властью еще деля ее с кадетским градоначальником Зеелером и меньшевистской Думой. Неуверенность и слабость сквозили в первых наших шагах.

II.

От Ростово-Нахичеванского Совета должны были ехать к 20 октября на 2-й с'езд советов я, меньшевик Беловодский и избранный кандидатом „беспартийный большевик" солдат Власенко. Последнего, однако, военные власти при бесспльном сопротивлении нашей „господствующей" фракции и попустчтельстве меньшевиков по какому то поводу арестовали, и нам с Беловодским пришлось ехать вдвоем.

— Как вы думаете— сделает с'езд попытку поднять вооруженное восстание или нет?—спрашивал меня перед от'ездом т. Васильченко.

— А... что?.. Не знаю... Едва ли. Наверное Ц. К. предупредил бы нас...

Я чувствовал растерянность перед этим вопросом. В самом деле, как будто все шло к этому, настроение тоже имеется, а с'езд будет нашим— это ясно. Но готово ли все? Где у нас оружие, организация, директивы? То, что есть—слишком ничтожно. Готов ли выручить нас западный пролетариат, т. к. ясно, что воевать мы не будем, а части войск с фронта вместе с немецкими солдатами двинутся нас усмирять... Вероятно дело до вооруженного восстания не дойдет.

И у меня складывалось убеждение, что одна только перспектива вооруженного восстания должна будет изменить политическую обстановку.. Страх перед ним должен как то повлиять на соглашателей...

В какую форму все это выльется?—Я этого не знал. Может быть в социалистическую коалицию? Это не избавит нас от гражданской войны, а лозунг ее как будто уже оттерт, сама партия дала по этому поводу „задний ход"!

Будет, очевидно, что то меньшее, промежуточное, но что именно?..

Во всяком случае мы условились, что я сообщу телеграфно установленным текстом—каковы на этот счет настроения в Питере...

— Ну, смотрите,—привезите нам власть!—смеясь напутствовал меня кое-кто из рабочих.

— Ладно привезу и выложу...

. . . . . .

Обычное для 1917 г. по обстановке путешествие в поезде Ростов—Харьков—Москва—Петроград.

Я ехал в купэ 2-го кл. вместе с каким то инженером, полковником и буржуазной дамой. В коридоре шумно громоздились один на другого солдаты и делегаты Донбасса, время от времени осаждая купэ и уплотняя пассажиров. Нас не трогали.

Спутники мои не очень интересовались политикой, но, узнав, что я большевик и еду на с'езд советов, начали меня расспрашивать, что мы собираемся сделать с Керенским и будем ли захватывать власть.

Дама очень волновалась, что Ленин прикажет резать буржуазию, а полковник часто вздыхал и прикладывался к фляжке... с одеколоном.

Один инженер сохранял мужество и заставлял меня фантазировать на счет международной обстановки, перспектив почти мирного захвата власти и социалистической организации производства.

Эти господа окончательно убедили меня своими расспросами, что вооруженное восстание и захват власти большевиками даже в буржуазной среде считается каким то неизбежным велением судьбы, против которого нет даже воли бороться.

Я теперь рвался в Питер и мне казалось, что скорый поезд ползет как гусеница.

Наконец я в Питере. Получаю в Смольном мандат и адрес общежития где то у чертей на куличках в бывшем лазарете, где нахожу кое кого из Донской, Кубанской, Донецкой и Казанской «публики», хлопочущей над устройством своих пожиток, разысканием земляков и проектами использования поездки для изучения всех достопримечательных вещей.

С'езд откладывался на 22-е и я также решил использовать время по своему: для закупки литературы и обстоятельной информации Ц. К.

В скромном помещении Ц. К. на Фурштадтской ул., несмотря на канун с'езда, была не очень суточная, почти домашняя обстановка.

Секретарь Ц. К. т. Стасова основательно осведомилась о Ростовских делах и полезала мне резолюцию конспиративного совещания с участием т.т. Ленина и Зиновьева.

Больше не приходилось сомневаться. Ростову предстояло вынести самый серьезный натиск, и я дал условленную телеграмму, которая, впрочем т. Васильченко так и не была получена.

III.

Большая часть Петроградских событий известна товарищам по опубликованным материалам и воспоминаниям. Единственно же ценное что у меня было лично—протоколы нашей с'ездовской фракции (я был членом Бюро фр. и вел протоколы вместе с т. Эрманом и „Симой" самарской делегаткой*) бесследно погибли вместе с следственным материалом по делу арестованных ген. Потоцкого, кап. Боровского, шт.-кап. Калченко, поручиков Андреева, Цапа, Сивакоця и др. о нападении на Ростово-Нахич. совет, штаб Кр. Гвардии и К-т Партии в ноч с 27 на 28 ноября 1917 года, т. к. я был вынужден сжечь эти материалы 2 декабря в день взятия Ростова Калединым.

Фракции собственно нечего было делать. Часть тов. приняла энергичное участие в проведении „дня—Петрогр. Совета", остальные слонялись по Питеру и изучали коридоры Смольного Института.

Пульс политич. жизни бился в Военно-Рев. Комитете и Ц. К. Партии, отчасти в маленьких компатах Смольного с надписью „классная дама" где велись переговоры с лидерами левых с.-р. и меньшевиков.

С'езд все откладывался отчасти по военно-политическим соображениям Ц. К., отчасти потому, что меньшевитский В. Ц. И. К. срывал его, путая головы на местах посылкой телеграмм с назначением новых сроков.

*) По окончании с'езда бюро не могло сдать этих протоколов в Питере, т. к. ни Я. М. Свердлова, ни Е. Д. Стасову, ни Аванесова—секретаря с'езда мы не могли "поймать".

Однако напряженное ожидание событий не могло удовлетворить нас, и с 22-го мы стали регулярно заседать, начав с заслушания докладов с мест и знакомясь по докладам Свердлова, Сталина и Троцкого о ходе событий в Питере.

Местные делегаты в значительной части (Ногин, Эрман, Колесов, Старостин и др.) рисовали картину неподготовленности местных организаций партии и советов к захвату власти.

24 октября мы были на совместном заседании делегатов с'езда с Петроградским Советом, где т. Троцкий сделал блестящий 3-х-часовой доклад о ходе событий 1917 года, подготовивших октябрьскую революцию, деятельности военно-револ. к-та—особенно за последние дни и часы, и положении на местах, в частности в войсках фронта.

25 октября в Смольном появились т.т. Зиновьев и Ленин.

Смольный принял к этому времени боевой вид. Пулеметы и броневики у входа, пулеметы на крыше, военные караулы, часто сменяющие один другого отряды красногвардейцев, идущих правильным строем с винтовками на плечах.

Открывался с'езд и жизнь сосредоточивалась и разгоралась здесь по мере того, как гасла в Зимнем Дворце и беспомощными вспышками замирала в «предпарламенте».

С'езд шел под разговор пулеметов и временами слышный даже в Смольном гул орудий на Неве и на улицах столицы.

Нет ничего прекраснее этой ночи в—актовом зале Смольного Института в моих воспоминаниях. Старый мир умирал, устами Дана предрекая нам гибель, грозя судьбой Керенского, обещая розы сегодня, терний и крестную смерть через два дня, распятие международного социализма и пролетариата на сотни лет в будущем.

Старый мир умирал, полным ужаса, глухим голосом Мартова шипя нам: «слышите, слышите! пушки! Это вы расстреливаете социалистов»!..

Старый мир грозил нам от имени целых армий нашествием фронтовиков, забастовкой железных дорог, голодом, смертью.

Но твердая воля с'езда звучала в голосе председателя т. Каменева делавшего сообщения о почти бескровных победах, аресте Временного Правительства, торжестве революции.

На трибуне появляются вышедшие из подполья вожди партии.

Величайший энтузиазм охватил весь с'езд и с никогда невиденным мною ни до, ни после подъемом закончился пением революционных гимнов.

Гражданская война была об'явлена. Надо было спешить на Дон, где она должна была начаться в первую очередь.

26-го вечером мы уже выезжали домой с воззваниями „Временного Рабоче-Крестьянского Правительства“ Республики и декретами с'езда о земле и мире.

IV.

То, что я застал в Ростове в конце октября, не соответствовало самым мрачным моим ожиданиям, но и не располагало к спокойному и уверенному отношению.

„Военных действий“ не было и поезда свободно шли и по Воронежскому и по Харьковскому направлениям, но от Новочеркасска до Чертково были уже Калединские кордоны и производились обыски и проверка доку-

ментов пассажиров. Были отданы специальные приказы о задержании делегатов с'езда и хорошо, что я избрал другой путь. Все к востоку от ж. д. линии, за исключением угольных районов и „ненадежных“ пехотных полков в Каменской и Новочеркасске и 29 казачьего полка в Белой Калитве было спокойным для Каледина тылом, на пространстве которого из Новочеркасска была об'явлена единственно законной власть атамана.

В Ростов и Таганрог были посажены раньше там не бывшее—2 окружных атамана – ген. Потоцкий и ген. Назаров, умные и тактичные организаторы контр-революции, задача которых состояла, повидимому, в концентрации казачьих сил, разоружении пехоты и помощи извнутри при подходе Каледина.

В Таганроге были еще меньшевистский совет и Дума в распоряжении которых находилось 2 разложенных небоеспособных полка пехоты.

У Назарова был заамурский казачий полк, юнкера и 2 батареи легкой артиллерии.

Господствующими там были меньшевистско-соглашательские тенденции.

В Ростове обстановка была много сложнее.

С первыми известиями из Петрограда, регулярно получавшимся по радио чрез судно „Колхида“, об открытии Военно-Рев. К-том действий против Временного Правительства, в Ростове, одновременно с атаманской властью в Новочеркасске, был провозглашен переход власти к Советам и избран громоздкий Военно-Рев. К-т с широким представительством воинских частей. Но тут же пребывал и ген. Потоцкий и меньшевистская Дума.

Рядом на стенах зданий красовались исходившие из вокзальной резиденции ген. Потоцкого приказы Каледина и об'являвшие Каледина вне-законв приказы Военно-Рев. Комитета.

В городе были введены и расположены в Мореходном училище 1 или 2 казачьи сотни, быстро, впрочем, поддавшихся разложению, установлены на крышах резиденции Потоцкого и Мореходного уч. пулеметы, „подтянуты“ и сконцентрированы юнкера. (Уже позже — во время военных действий—прибывали с Юга новые эшелоны казаков, которые были нами разоружены и отпущены с миром).

Военно-Революционным Комитетом было начато усиленное вооружение за счет пехоты, рабочих через ф.-з. к-ты.

Войска—четыре пехотных полка—день и ночь митинговали, щелкая семечки, и Потоцкий свободно посещал их митинги, проповедуя „сохранение оружия“, непротивление казакам и несение совместно с ними караульной службы.

Меньшевики усердно помогали ему своими думскими выступлениями, газетой и агитацией на заводах.

Нужно особо отметить деятельность находившегося на Дону армейского комитета (он как то иначе назывался), состоявшего преимущественно из офицеров, представителей пехоты и казаков поровну, под председательством казачьего офицера, кажется—Сутулова.

Между пехотной (во главе с Арнаутовым) и казачьей частью комитета происходили все более и более глубокие трения. Не знаю сути их разногласий, но в конце концов пехотная часть перешла к самому плачевному отступлению и бегству.

Она взяла на себя и в значительной части успешно выполнила предательскую миссию вести в пехотных полках ту же агитацию, какую вел

у нас в Ростове Погоцкий. Прибыв с этой же целью в Ростов и столкнувшись здесь с нами, она потерпела в нескольких ротных собраниях поражение и под влиянием активных мероприятий Каледина против пехоты начала вести переговоры о контакте с В.-Р. Комитетом. Им ничего другого не оставалось и они растаяли в наших рядах, не возвращаясь больше в Новочеркасск.

Арнаутов встал впоследствии во главе наших вооруженных сил на „Нахичеванском фронте".

Тем временем в Калединском стане шло некоторое движение. Перехваченные нами телеграммы свидетельствовали о передвижениях частей и припасов по области, каких то назначениях и проч. Быстро и неожиданно было проведено разоружение и демобилизация пехотного полка в Новочеркасске, а затем Каменской....

Военные действия приближались....

Им должны были, конечно, предшествовать „дипломатические переговоры".

В двадцатых числах ноября в Ростов прибыло оффициозное, не снабженное формальными мандатами представительство Каледина (в лице казачьей части арм. к-та), начавшее вести с Советом переговоры о Донском Учредительном Собрании.

Переговоры, конечно, ни к чему не привели....

По всем пунктам декларации мы дали отрицательные ответы.

О всем ходе событий мной был послан подробный доклад секретарю Ц. К. партии.

V.

Было ясно, что соотношение сил складывалось не в нашу пользу особенно если принять во внимание ряд наших промахов и ошибок.

Мы могли выиграть разве только на артиллерии. Кто то из солдат артиллеристов еще в начале ноября убедил меня в этом, сообщив о том, что в Ростове есть 6-ти и 8-мидюйм. орудия с надежной прислугой и что нужно только принять срочные меры к подысканию к ним шестидюймовых снарядов и двух замков к 8-мидюйм. пушкам.

Я поделился на этот счет соображениями с товарищами Васильченко, Сырновым и Ченцовым и предложил послать надежного человека в Севастополь к морякам Черноморского флота, чтобы доставить оттуда необходимое.

Предложение приняли и на т. Ченцова была возложена задача пробраться в Севастополь.

Дело приняло тем более благоприятный оборот, что Ченцов попал на съезд черноморских матросов, который принял решение послать на Дон флотилию.

С понятным нетерпением мы ждали черноморцев.

Наконец получили числа 25-го условную телеграмму, по которой мы должны встретить их в Таганроге на рейде.

Я, Ченцов и прапорщик Жук (парень бандитской складки, не выдержанный, с множеством нацепленных бомб у пояса, но все же искренний революционер, к слову сказать) отправились в Таганрог, где, к нашему изумлению, уже всем было известно о флотилии и шли митинги и сове

щания на предмет разложения моряков и ходатайства о возвращении их вспять.

Назаров и меньшевики представляли трогательную картину единения, миролюбия и взаимной лояльности, строго спрашивая в своих резолюциях о намерениях моряков, идущих нарушить их мирный покой.

О прибытии флотилии, как оказалось, знал и Потоцкий, который пытался преградить вход в Дон, отдав распоряжение в Азове грузить баржи камнем и, выведя их в Донские гирла, затопить на фарватере. К счастью, азовские береговые рабочие, поняв назначение работы, не допустили погрузки и выхода барок.

Таганрогская дума снарядила катер для встречи матросов в море, и нам ничего не оставалось, как раскрыть цель нашего приезда и потребовать мест в катере.

Но флотилия где то застряла, меньшевистская делегация возвратилась в Таганрог, а Жук и я поехали от пловучего маяка на служебном судне „Казбек" в Мариуполь.

Ночью в Мариупольском порту у пристани мы нашли мирно спящим без всякой охраны, со спущенными на берег сходнями, миноносец (минный крейсер) „Капитан Сакен", на котором нам пришлось поднять порядочный шум и звон прежде, чем мы дождались открытия какого то люка и добрались к начальству.

Вся флотилия состояла из миноносца, с дальнебойными морскими орудиями, „зенитной" и минными аппаратами, и трех траллеров с орудиями в 4 и 5 дюйм. и скорострельным орудием, посылавшим фунтовые снаряды.

Должен был также примкнуть быстроходный катер с двумя скорострельными пушками под командой морского офицера Орлова, но по нашим настояниям флотилия не стала его дожидаться. *)

Военное командование было вручено пятерке из матросов, а морское—офицерам. Команда состояла из добровольцев—весьма темной, трусливой и несознательной публики.

Утром 27-го мы прибыли в Таганрог.

Миноносец гордо вошел в Таганрогскую бухту, но Назаров предложил нам немедленно выйти под угрозой расстрела миноносца от якобы наведенных орудий.

Пришлось выйти и стать в „банке" в 10 верстах от берега. Тральщики же, на которые пересели и мы с Жуком, направились в Ростов, захватив на дороге торговое судно в качестве проводника, т. к. все вехи по дороге были сняты по приказу Потоцкого.

К вечеру мы были в городе, произведя сенсацию и вызывая громадный под'ем в настроениях рабочей публики.

Нас ожидало торжественное заседание Совета, посвященное встрече матросов.

VI.

Ночь с 27 на 28-е ноября в Ростове должна войти в историю, как начало гражданской войны на Дону....

*) Орлов после того ночью промчался мимо нас в Азовском море и, умышленно скрываясь от нас, выехал обратно в Севастополь.

Кончилось торжественное заседание Совета. Я стоял в оконной нише „Марса“ и затуманенными слезами радости и нервного возбуждения глазами провожал волны рабочих, проходивших чрез фойе на улицу. Не прекращалось пение „Варшавянки“ и „Интернационала“, тысячью голосов рабочие Ростова обещали итти в бой:

„Сами набьем мы патроны
К ружьям привинтим штыки“....

Вот прошли последние. Кое-кто с оружием. Остались только члены штаба красной гвардии, красногвардейцы-часовые и 2—3 члена Совета.

Я пошел на „Волхиду“ на заседание В.-Р. К-та, куда прибыла делегация пехотных полков Таганрога и командующим пятерка флотилии.

Не прошло часа, как получилось тревожное сообщение из Мореходного училища, что был ген. Потоцкий и пытался уговорить казаков напасть штаб красной гвардии, а затем прибежал товарищ из Совета, видевший ворвавшихся в здание Совета юнкеров и офицеров, которые начали стрелять.

— Это начало!....

По телу пробегает нервная дрожь

— Пора в бой.

Быстро подняли тревогу в казармах и на заводах. Выясняем, что к Совету подбежало человек 20 — 30 офицеров и юнкеров, ворвались с прапорщиком Новиковым впереди в помещение штаба, где встретили вооруженное сопротивление и тяжело ранили рабочего Житомирского, бросились в зал, где нашли безоружного члена Совета Кунду, рабочего Мачеем, гвоздильного завода, которого убили, не смотря на просьбы пощадить детей, и затем бессмысленно и нелепо разгромили все—порезали картины, столы, стулья, диваны, били стекла, рвали бумагу.

В разгар этого идиотского разгрома к Совету под'ехал белый автомобиль Потоцкого с старшими офицерами, которые, убедившись в разгроме, дали сигнал к бегству.

Я и т. Васильченко пошли в казармы и по дороге обнаружили, что такой же разгром белые произвели и в помещении Партийного Комитета, где они захватили и увезли неизвестно куда т. Тащкова, экспедитора газеты.

Первым делом В.-Р. К-та было очистить вокзал и лазарет, где находился ген. Потоцкий, арестовать градоначальника Зеелера и вывести войска на линию за Балабановской рощей к ст. Нахичевань, т. к. из Мореходного училища нам сказали, что офицеры ждут помощи из Новочеркасска.

Чрез час, действительно, прибыл эшелон казаков, юнкеров и кадет, который начал бой, был разбит, оставив на месте испорченный броневик и отступил к вечеру следующего дня к станице Аксай.

Днем мы с несколькими товарищами пошли на „позиции“.

Холодно. Сумрачно. Белеет кое-где снежная пороша.

По межам в роще в несколько цепей лежат солдаты, вглядываясь вперед из-за насыпей, перекапывают межу на траншею.

Идем через них. Сквозь деревья видны одиночки и кучки солдат. Кое-где стоит красногвардеец, чувствуя себя еще чужим здесь и не очень нужным.

Свистят, срезая ветки и тюкаясь в стволы, пули.

На открытой поляне стоит с белыми флажками группа наших, — гл. образом офицеры, и казачьих делегатов—ведут переговоры.

Солдаты, кажется, готовы итти на мировую.

Этим и об'ясняется почему целых четыре полка с нашей стороны весь день канителились с юнкерским сбродом, который могли раздавить в два счета.

Разочарованные мы возвращаемся домой не разрядив наших револьверов по изредка стреляющим в одиночку врагам в 40—30 шагах от нас.

Вместо с собой невольно тянем примкнувших к нам рабочих, которые нещадно ругают солдат.

Этим боем и ограничилось все участие в ноябрьские дни громадного гарнизона, так внушительно демонстрировавшего 18 июня с оружием в руках протест против «Займа свободы».

Все последующие дни на Нахичеванском фронте до 2 декабря, а также у вокзала до взятия в плен Потоцкого и др. сражались и гибли рабочие, из солдат же было максимум 2—3 сотни, а офицеры и командиры вообще насчитывались единицами. Арнаутов, Бенгреневич, Вишняков, юнкер Виктор Фурсов, унтер-офицер Иванов, солдат Сычев (убит) и несколько др.

Единственный офицер-большевик—Филов находился в штабе Красной Гвардии, где была организована довольно таки беспорядочная раздача оружия, кормежка красногвардейцев и санитарная помощь.

VII.

Я не следил за всеми перипетиями наших боев.

Знаю только что с Потоцким покончили быстрым приведением капитуляции. Иванов доставил генерала и членов иностр. миссий на „Колхиду", а остальных офицеров в «Марс», где сначала Крылов, а затем я произвели следствие. Офицера вели себя при этом самым жалким образом. Кап. Боровский (начальник военного училища) и шт.-кап. Панченко называли нас товарищами, тянулись в струнку и заискивающе приниженно улыбались, подпоручики Цапов, Сивконь и пр. „сыпали" друг друга и свое начальство и только Новиков—убийца Кунды, расстрелянный Крыловым, упорно молчал.

С достоинством вел себя и Потоцкий, пространно и убедительно отвечал на все вопросы, проявляя недюжинный ум, интеллигентность, ориентировку в политической обстановке.

Мы были настолько наивны и великодушны в то время, что при допросах вели настоящие диспуты, убеждали их в ошибках, обеспечивали прекрасное обращение с ними и нестеснительные условия содержания под стражей.

Предполагалось устроить публичный суд и даже говорили, что их после победы надо будет выпустить как военнопленных...

На вокзале, кроме разоружения приходящих казачьих эшелонов, никаких военных действий больше не было.

За Нахичеванью же бои продолжались до 2 декабря, начинаясь в 8—9 ч. утра и кончаясь вечером, с перерывом в обеденное время.

— У нас на фронте 8-мичасовой рабочий день,—острили товарищи.

С обеих сторон тратилось непроизводительно много зарядов. Силы были не велики.

Максимум, чем располагал тогда Каледин, по сообщениям новочеркасских товарищей (Полотебнов прибыл во время боя) было 5000 челов. из которых только 1500—2000 бойцов. У нас было несколько больше, но на первой линии никогда не бывало более 1000—1200 чел.

Артиллерия с обеих сторон почти не играла роли.

Казачьи полевые орудия били шрапнелью по кирпичным сараям и частным домам Нахичевани.

Наши матросы, посылавшие врагам снаряды чудовищной разрывной силы, которые лопались с звуком, заставлявшим думать, что разлетается вдребезги небо, попадали „в белый свет, как в копейку".

Из «усовершенствованных» орудий войны у нас фигурировало какое то сооружение на грузовике имевшее одну пушку, и кустарный броненоезд, 2 раза ходивший на разведки и обстрел занятой белыми долины (лога).

У белых был перевес в пулеметах и руководстве.

VIII.

Не слишком рассчитывая на свои боевые таланты, мы все же считали долгом бывать на фронте и принимать участие в «общей каше».

Т. Васильченко почти не покидал передовых линий, а Крылов*) проявил настоящий героизм особенно в первый и последний дни боев, когда он дрался вплотную, бросая бомбы и действуя револьвером...

У „Марса" группа красногвардейцев садилась в трамвай и ехала в Нахичевань, громко разговаривая и споря.

В Нахичевани у трамвайного парка разговоры стихали. Здесь уже вспыхивали высоко над головой гранаты, рушились внезапно крыши и свистели пули, покая о кирпичные стены.

Быстро выбегали мы трамвая и гуськом, перебежкой вдоль стен с остановками на углах и в воротах приближались к кирпичным сараям.

Долго оставаться в сараях было нельзя, а итти вперед на обрыв значит подставить себя под свинцовый дождь пуль, осыпавший весь гребень и стену обрыва.

Один за другим и кучками бросались вниз, по крутому склону обрыва, опасливо проверяя внизу — нет ли где раны.

Некоторые оставались тут же, внезапно бледнея и роняя винтовку, —не миновали пули.

Другие шли дальше, через полотно железной дороги, поднимались по противоположному склону и цепью перебегали и ползли к буграм, где лежали наши стрелки.

Никто не командовал. Время от времени раздавалась крепкая звонкая брань и цепь выравнивалась, торопилась вперед, на встречу смерти.

Сзади за полями был город, над которым пестрели шрапнельные дымки, верху сверлили по разным направлениям воздух снаряды и пули, впереди бугор, куда надо добежать.

Вот мы и в бою. Командует старый солдат. В цепи же большинство рабочих.

— Взво-од... пли!

---

*) В течении всего 1917 г. Крылов вел себя как честный и преданный делу революционер.

Мы поднимаемся, даем залп и быстро ложимся опять, щелкая затворами, а в ответ нам весело тараторит пулемет, срывая пулями сухую траву и мерзлую землю с гребня бугра.

— Взво-од пли!

— Взво-од пли!

Временами мы делаем передышку и сползаем под самое основание бугра, потому что на нас сосредоточен огонь; временами наоборот — без устали следуем учащенной команде «взводного генерала», который сам встает во весь рост и яростно преследует выстрелами меняющего позицию неприятеля.

Кое кто начинает дрожать и коченеть от мерзлой земли, отставать в стрельбе и жаловаться на озноб и головную боль. Глаза горят. Простудился.

Один коротко и однообразно застонал и стал просить пить. Ранен.

Другой захрипел, выплюнул кровь и скорчившись застыл на земле; только нога продолжает вздрагивать еще 2—3 секунды.

Их убирают назад. Кто то кричит: Санитара! санитара!...

А мы все стягиваемся правее, потому что кадеты переменили уже свое расположение и втащили пулемет на выглядывающую из-за холма саженях в 200 мельницу...

Поздно вечером, до костей промерзшие, голодные, слабые, с затаенным страхом перед запоздавшими пулями, прячась у стен от каждого разрыва мы по одиночке возвращаемся в город . . . . . .

. . . . . .

IX.

С каждым днем положение изменялось в невыгодную для нас сторону.

К Каледину начали подходить подкрепления из Кубанской области, а наши матросы уже несколько раз прекращали стрельбу и собирались на митинги по вопросу о возвращении в Севастополь.

Мы насчитывали уже 200 жертв и настроение у рабочих падало.

А тут старались меньшевики,—расписывали ужасы гражданской войны, вели переговоры с Калединым, разлагали солдат.

Момент, когда можно было разгромить Каледина в Аксае ночным нападением, был пропущен.

Белые подтянулись, усилились регулярными частями, нащупали все слабые места и прекрасно осведомились о положении Ростова, где даже В.-Р. К-т признавал неизбежным отступление и готовил баррикады в городе.

Утром 2 декабря под покровом густого тумана казаки подошли к нашей линии и напали на застигнутых врасплох рабочих, сестер и санитаров.

Еще накануне они обеспечили себе нейтралитет солдат, которые по уговору с казачьими делегатами с ночи составили ружья в козлы и отказались от всякого участия в боях.

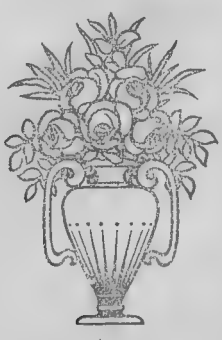
Правильно занимали они квартал за кварталом Нахичевани, встречая отчаянное сопротивление всего каких нибудь 20—30 товарищей.

Военно-Революционный Комитет решил оставить город, пытаясь принять меры к вывозу всех участников красного фронта.

Часа в 2 мы небольшой группой собрались еще раз в Мореходном училище, но суда уже ушли, поезд не мог быть подан, большая часть товарищей перешла Дон, а мы не нашли другого исхода, как разойтись в разные стороны, крепко пожав друг другу руки на прощание...

Еще долго я и Васильченко бродили по городу мимо казачьих разъездов, не зная куда деться, пока нас не встретил т. Ксенжук и не препроводил на квартиры булочников.

Через 4 дня мы переодетые и с фальшивыми паспортами выехали в Харьков.



Э. ВАЛИНИ (Шершевская).

На путях к завоеванию октября.

Краткие, отрывочные, недоговоренные сведения об октябрьских событиях в Питере долетали на Дон в оффициозных сведениях „свободной" буржуазной и меньшевисткой печати Но, не смотря на всю толщу лжи и искажения, облекавшую эти вести, в рабочей массе Дона росла уверенность, что за ними скрыто нечто очень важное и что пролетариат Москвы и Питера делает новые завоевания на путях социальной революции. Действительность выяснилась в ближайшее время и политическая обстановка определенно стала намечать новый этап революции на Дону Происшедшие между тем перевыборы Совета дали нам большинство, и новый красный исполком приступил к работе в сгущенной и уже вполне определившейся политической атмосфере. Первое торжественное заседание нового Совета 24 ноября—истерические тирады г.г. Петренко и Локерманов. пугающие речами о неизбежности жертв в гражданской войне, об „изолированности" пролетариата и т. п. тонут в негодовании пленума и покрываются общим порывом к борьбе за новые позиции и стремлением примкнуть к героическим рядам Московского и Питерского пролетариата.

Рабочие, солдаты гарнизона, представители Красного Азовского флота в горячих речах клеймят изменников революции, разоблачая истинный смысл их речей пере Советом и призывая его на славный пост установления на Дону власти Советов.

Пока шло засе ание черная рука контр-революции готовила удар новому Совету. Однако черная гвардия ошиблась в рассчетах Заседание окончилось около 12, и все возбужденные, ко всему готовые, с песнями разошлись по домам.

Около двух часов ночи (я жила сейчас же за домом Совета) сквозь сон слышу ружейный зали, словно сильный удар, в соседнюю стену,—а затем перестрелку.—Чувство тревожной жути на одно мгновенье захлестывает меня, а с улицы слышатся тяжелые стоны:

„Товарищи, умираю—помогите"!

Сон или явь?.. Вскакиваю. Подхожу к окну...

Внизу в полосе тусклого света серая группа патруля...

Какого? Чьего?

Быстро одеваюсь, сбегаю вниз на улицу.

— „Стой! Кто идет"?

Патруль быстро окружает, пытливо всматривается..

Вижу одно-два знакомых лица.

— Товарищи, иду в Совет,—пропустите!

— Куда вы? Никому нельзя теперь.

— Что случилось?

Суровое молчание, затем короткое:

— Началось!

И ясно, без слов, что именно началось...

Подошла другая группа. Товарищи узнали, проводили до Совета

Выбитые стекла в комнате президиума и канцелярии, осколки зеркал на полу; разгромленная экспедиция. На улице, на полу—брошюры, книги, газеты... У входа возбужденные т.т. Кирзнер и Решетков, случайно заночевавшие и еще более случайно уцелевшие; с ними несколько приехавших товарищей

На полу с синевато-бледным лицом—первая жертва, первый нач Штаба еще молодой Красной Гвардии—неутомимый тов. Кунда .

Вносят из дальней части сада труп тов. Хазбирюка чьи стоны я слышала с полчаса назад из своего окна; он только что приехал из Питера инструктором Красной Гвардии и уже развернул большую работу, а подлая рука выхватила его из наших рядов когда он был так нужен.

За ним вносят тяжело раненого, умирающего мол дого т. В., ходившего с патрулем у здания Совета; из соседнего лазарета появляются сестры с санитара и и носилками, уносят его.

Тяжелое чувство утраты товарищей и гневного возмущения гнусностью расправы наряду с мыслями о необходимости действовать.

— Товарищи напротив са , нет ли засады?

Отряжается патруль, приходят товарищи из партийного комитета, из солдатской секции... Всеми владеет единое чувство единая мысль:

„За дело"!

Вдруг крик: „Товарищи, берегитесь"!

Вновь стрельба.

Кто? Откуда?

Вскоре выяснилось, что это недоразумение:—патруль не узнал своего автомобиля; к счастью, недоразумение обошлось без жертв.

До утра и все воскресенье лихорадочная работа по подсчету и мобилизации сил—гвардии, гарнизона; занимаются позиции; наши патрули разоружают находящиеся в городе юнкерские и ненадежные части, отнятое оружие штабом раз ается нашим гвардейским частям. Организуются красные санитарные отряды и санитарные пункты, готовится к бою Красная «Колхида».

В понедельник 26 ноября уже с утра—частая работа пулеметов за Питомником...

Испуганные лица обывателей. Воен.-Револ. Комитет (вместо Исполкома) поместился на «Колхиде». В доме Совета размещен Штаб Красной Гвардии. анитарные Отряды Штаба частью на работе у Нахичевачского полустанка, частью в ожи ании ее при штабе и Красной «Колхиде», которая вскоре за пулеметами начала с реки обстреливать врага снарядами.

Линия боя вытягивается к вокзалу и в оль Нахичевани к Аксаю...

Части Красной Гвардии и гарнизона на славном посту.

Воодушевленные негодованием за ночной налет и гнусностью расправы и первыми успехами (взятие вокзала, отступление юнкеров у Питомника)—гвардейцы неутомимы.

Движение прекращено, трамвай обслуживает только нужды войны—перевозит патрули, части и раненых; извозчики настроены враждебно, но под давлением мнения окружающих их при первых возражениях становятся сговорчивы и предупредительны.

Темный вечер, не видать ни зги... После дежурства у «Колхиды», в темном вагоне, наш санотря отправляется в Нахичевань для обслуживания Аксайских позиций; расположились в Нахичеванском театре, в фойе которого была расквартирована команда выздоравливающих. Только успели

развернуться - явились первые пациенты. Беженец-эстонец, легко раненый:

„Пришел не для себя, а вот из-за него".

На руках у него трехлетний ребенок с окровавленной ручкой: юнкерский снаряд, разрушивший их домик, убил мать и осколком ранил ребенка, оторвал два пальчика.

Еще две-три перевязки за ночь...

Утром временное затишье; жители окраины в надежде, что бои закончились, частично возвращаются домой; но при первом стуке пулемета вновь оставляют домишки, и с детьми и скарбом тянутся к центру города, находят приют у граждан, размещаются в театре... Едва санотряды успели собрать и отправить раненых, подобрать трупы, перестрелка, ружейная, пулеметная и орудийная вновь началась.

Оставив для работы на пункте нескольких товарищей, мы разбились группами и отправились для работы к самым позициям. Никакого следа страха у оставшихся обитателей, настроение прямо противоположное настроению жителей центра: живейший интерес ко всем перипетиям боя, сочувствие успехам и неудачам наших частей. Мальчики и женщины носят на позиции патроны, собирают гильзы, несут еду,—кто что может; приносят с питательных пунктов хлеб, колбасу, кашу.

До четверга приблизительно равное положение обеих сторон.. Затем перелом вследствие численного превосходства противника, получившего значительное подкрепление; усталость частей гвардии, не получивших смены, падение энергии и энтузиазма гарнизона, благодаря влиянию желтого офицерства.

Перелом чувствуется всеми, но держатся стойко, и героизм заведомо обреченных делает невозможной самую мысль о поражении, которое уже началось..

Героическая работа красных сестер и санитаров и среди них неутомимая, беспартийная тов Альбам, замученная впоследствии деникинцами в Чертково „за большевизм".

Вот матрос, у которого пуля почти срезала кисть руки.

Товарищи, помогите! истекая кровью говорит он нам, волоча здоровой рукой винтовку.

—Снесите ее в штаб, пусть не стоит без дела, пусть кто-нибудь скорее займет мое место.

До пункта далеко, кое как бинтом, платками и косынкой обертываем кисть, почти совершенно изуродованную. По пути в больницу, совсем ослабевши, он просит передать привет своей жене и словно извиняясь, прибавляет,

„Она ведь, товарищ, совсем еще молодая!"

В пятницу к вечеру часть нашей гвардии отступила, другая осталась защищать позиции до последней возможности. Какая-то санитарка—работница провожает отступающего солдата-пулеметчика упреками и гневными репликами, а он оправдываясь неловко повторяет.

„Да ведь уже совсем невозможно, сестрица!"

В субботу с утра поползли и добрались до пункта злые темные слухи о полном поражении. Только наполовину растаявшая группа у „Аксая" продолжала оставаться на посту...

Отправилась в штаб: все на местах, хотя положение определенно критическое.

Когда часа через два я с одним фельдшером и с провизией для нашего отряда отправилась в Нахичевань, жители останавливали линейку и тревожно предупреждали:

„Куда вы? Ведь там казаки!"

Но это казалось невероятным, так как у границы и у одной из первых линий документы проверяли наши патрули. Но проезжая дальше мы уже не видели никаких следов наших.

„Покажите ваши документы", сказал фельдшер и, увидя Партбил. и удостоверение штаба, выхватил из рук и изорвал, повторяя:

—„Вы с ума сошли? Неужели вы не понимаете?"

Но я действительно, не понимала и не хотела понимать.

Доехали до пункта, никого не встретив, но, уже насторожившись и чувствуя врага:

„Товарищи, отбирайте у раненых компрометирующие бумаги: ведь знаете, что за зверье идет!"

Прибежала испуганная женщина: на 24 линии казаки, найдя у раненого удостоверение фабзавкома добили его.

—Предупреждение оказалось более, чем своевременным!

Бросились к позициям за ранеными и погибшими товарищами. Подобрали одного молодого металлиста, уничтожили документы, только двинулись как из-под земли—двое казаков.

„Кто такие? Кого несете? Большевика?!

„Обыскали и нас и его с гнусными репликами, с звериными физиономиями и пока мы завернули за угол, не было уверенности, что не пошлют „гостинца" вдогонку. Отнесли больного на пункт, вернулись обратно.

У трупа красноармейца двое казаков изрыгают ругательства, тычут штыками в уже посиневшее лицо

„Большевиков своих собираете, с...!, обратился к нам один из них с „приветствием": убирайтесь, пока целы: живых уже нет—мы позаботились, а эту падаль—собаки подберут"!!

Холодная жуть при мысли о добитых товарищах, мутная волна ненависть к этому зверью заполнили душу. Образы товарищей, павших за неделю и прошедших через наши руки, встали перед глазами...

Повернули обратно, молча, пошли на пункт, оттуда вместе с пришедшим нас выручать врачем двинулись в Ростов

На улицах толпы „народу" в каракулевых и меховых шубах уже ликуют и приветствуют „победителей".

А там на боковых улицах, в рабочих домиках росла гневная печаль по погибшим. Раскаяние в своей пассивности и возмущение „избавителями" пускали первые ростки нового близкого действия.

Сердце тяжело ныло. В памяти всплыли т. т. Хазбирюки Кунда и все, павшие в эти дни. Неужели все это только для того, чтобы уступить Дон душителям!!

Но в ответ звучало:

„Нет, нет: мы еще придем!..."

Ф. ЗЯВКИН.

Из революционных дней на Дону

в 1917 и 1918 г.г.

I.

Прибыв в Ростов из Петербурга 29 ноября 1917 года, я узнал, что за городом, в Нахичеванских балках, происходят уже три дня ожесточенные бои между войсками ген. Каледина и большевиками и что г. Ростов и Нахичевань находятся в руках большевиков во главе с Военно-Революционным К-том, который возглавлял Семен Филиппович Васильченко и Сергей Иванович Сырцов. Комитет находился на тральере „Колхида", а Штаб Красной Гвардии, во главе с т. Жуком (быш. подпоручик местного гарнизона), находился в б. театре „Марс". Фронтом командовал тов. Тулак.

Прибыв в Ростов, я явился в „Марс", встретив там т. Васильченко, который поручил мне снабжать винтовками и патронами приходящих добровольно в Штаб рабочих и отправлять группами на фронт в распоряжение т. Тулака. В эту же ночь мною было направлено на фронт до 300 человек рабочих. С энтузиазмом рабочие добровольно отправлялись на фронт; добровольно шли на фронт женщины в качестве сестер милосердия, преимущественно жены рабочих. Подвозили на позиции патроны, продовольствие на трамваях, автомобилях и извозчиках. Весь транспорт был мобилизован.

В. Р. К. из Севастополя была затребована помощь, которая была немедленно оказана тем, что были присланы тральеры, в том числе и известная „Колхида", на которой приспособлены были орудия.

На следующий день юнкера и кавалерия ген. Каледина обошла наш левый фланг и вступила в Балабановскую рощу, наши цепи дрогнули, и В. Р. К. отдал распоряжение оттянуть в город части и отступать по направлению Тихорецкая-Азов. Распоряжение такое было отдано после того, как войска генерала Каледина заняли Балабановскую рощу, вошли в соприкосновение с солдатами, находящимися в казармах (казармы были расположены рядом с рощей) и предложили им сложить оружие, обещая немедленно распустить их по домам. Солдаты на это изъявили свое согласие, сложили оружие и через два дня действительно многие из них уехали „в отпуск до востребования", но как только Каледин укрепился, так подобные отпуски были прекращены и против многих из них стали применяться репрессивные меры.

В ночь на 2 декабря покинул Ростов и Военный Революционный Комитет, направляясь через Тихорецкую на Царицын, часть членов В. Р. К. отступала на „Колхиде", на которую были взяты в качестве заложников Ростовский градоначальник Зеелер, генерал Потоцкий и другие контрреволюционные деятели. Отойдя верст 8 от Ростова вниз по Дону у ст. Гниловской, „Колхида" наскочила на мель, а стащить ее с мели было

нечем. Узнав об этом, Каледин и меньшевистские деятели Васильев, Петренко, Локерман и другие пред'явили „Колхиде“ ультиматум, чтобы освободили Зеелера, Потоцкаго и других, взятых заложниками, а также чтобы сдали оружие, после чего обещано было всех находящихся на „Колхиде“ красногвардейцев и членов В. Р. К. не арестовывать и предоставить возможность свободно выехать из Ростова, что и было сделано в результате переговоров.

Власть Ростовского Военного Революционного Комитета продолжалась с 26 ноября по 2 декабря 1917 года. В это время меньшевики неоднократно высылали свои делегации генералу Каледину, делегатами были известные меньшевики Верменич, Николаев, Чичинадзе и Беловодский во главе с Петренко. Цель делегации была просить Каледина, чтобы он не бомбардировал Ростова и что все население города, а также рабочие и воинские части не поддерживают власти В. Р. К. и готовы поддержать Каледина, что не отвечало действительности.

2 Декабря ген. Каледин триумфально в'ехал в Ростов с своей конницей, где его встретила буржуазная свора букетами роз и хлебом—солью.

II.

После отступления ВРК в ночь на 2 декабря 1917 г. многие из т. т. не успели скрыться, в том числе и я. Начали по городу производиться усиленные аресты, тюрьма была переполнена рабочими и солдатами. Совет рабочих и солдатских депутатов оставался существовать во главе с меньшевиками. Для рабочих, в особенности для большевиков наступили мрачные дни.

Командующим войсками Ростовского округа был назначен генерал А. Богаевский репрессии против рабочих усиливались. Оставшиеся в Ростове большевики с большими усилиями и трудностями стали возрождать на заводах и фабриках свои ячейки. В течение нескольких дней, таковые были оживлены, был создан нелегальный комитет, членами в который вошли т. т. Дунаевский, Антонов, Яков Орлов, Торский Владимир и Фадеев из союза „Иглы“. На Темернике существовал районный комитет, председателем коего был я, секретарем т. Реук Иван и членами т. т. Соловьев, Басов. Из главных мастерских Влад. ж. д. Антонов Яков был командирован комитетом для связи. В Нахичевани также был районный комитет, под руководством т. Колотаенко Михаила.

Многие из наших т. т. были членами совета рабочих и солдатских депутатов, как-то: т. т. Фадеев, Торский, Дунаевский, Антонов, Симонова с фабрики Асмолова, но и в совете активно себя проявляли мало, ибо ежедневно ждали ареста.

Будучи командирован из Калуги для службы в 252-й пехотный полк, стоявший тогда в Ростове, спустя неделю после отступления, я явился к командиру полка, который с удивленной физиономией спрашивал, как я, как офицер, в такое смутное время мог из центра пробраться в Ростов благополучно. После „раз'яснений“, я был принят в полк в качестве мл. офицера роты. Я не задумывался использовать свою службу в полку в пользу организации, почва для этого была благоприятна, т. к. отсутствовал в какой бы то ни было мере учет оружия и казнокрадство доходило до максимальных размеров.

В организации отсутствовала связь с группой наших отрядов, наступающих как с Украины, так и из Воронежа на Дон. На заседании райкома было решено меня и т. Реуka послать связаться с группой войск наступающей с севера, штаб коих стоял на ст. Чертково, Ю. В. ж. д. Командовал группой т. Петров (бывш. штабс-капитан), а для связи с южной группой, коей командовал т Сивец, были посланы т.т. Басов и Соловьев. Мне и тов. Реуку удалось добраться благополучно до указанного места, тесная связь была установлена вплоть до присылки в Ростов на нашу явочную квартиру целого ряда разведчиков от т. Петрова, кои нашу снабжались как планами, так и всеми сведениями добываемыми мною в штабе полка. С южной группой в эту кампанию связаться не удалось. Связь была налажена позже. Ввиду того, что Красная гвардия с 4-х сторон обложила Донскую область, а именно: с юго-запада наступала группа войск под командованием Антонова-Овсеенко, а с Кубани группа, возглавляемая одной дивизией, которая шла на помощь центру в борьбе с белогвардейщиной и с северо-востока наступали части под руководством Обл. В.-Р. К-та во главе с тов. Подтелковым Федором и Крывошлыковым, в состав этих частей входили и некоторые казачьи полки.

Чувствуя близкий конец, Донская белогвардейщина, а также слетавшаяся на Дон черная стая офицерства и юнкерства из центральных городов России, а также Войсковой круг, во главе с Атаманом Калединым, затрепетали в предсмертных судорогах.

В Ростове репрессии усилились; при арестах и конвоировании в тюрьму большевиков расстреливали, мотивируя: „пытался бежать". Был расстрелян видный подпольный работник тов. Фадеев. Рабочие в ответ на эти репрессии стали реагировать массовыми забастовками.

В начале января 1918 г. рабочие главных маст. Вик. ж. д. в количестве до 4.000 чел., собрались в своей столовой для обсуждения вопроса, как реагировать на усилившиеся репрессии. По распоряжению ген. Богаевского был послан отряд юнкеров, который, войдя без шума во двор столовой, окружил здание, где собрались рабочие; командир отряда, войдя в здание, скомандовал „смирно", рабочие, увидя его, ринулись к выходам, но там встречали штыки и пули, ибо все входы и выходы были заняты юнкерами.

Закончив расправу с обезоруженными рабочими, командир отряда собрал своих „молодцов", скомандовал на плечо, „затягивай песню и шагом марш" „Так за Корнилова, -за Русь святую мы грянем громкое ура" раздавались звуки по выходу главных мастерских Вик. ж. д., а на месте кровавой расправы сбежались жены, дети, матери и отцы убитых товарищей и долго, долго не смолкали их рыдания. Вдогонку веселым, бойким молодцам, неслись проклятия.

В ответ на этот террор наша организация решила устроить всеобщую мертвую забастовку.

На многих фабриках и заводах были созданы стачечные комитеты. На заседании комитетов ген маст. Вик. ж. д., Асмоловской фабрики и Трамвая, возглавляемых первый товарищем Петренко, второй тов Симоновой и третий тов. Соловьевым, при непосредственном участии Территориального подпольного к-та было решено послать приветствие наступающим красным войскам и объявить всеобщую мертвую забастовку но,

пронюхав это меньшевики, в этот же день собрали в городской думе представителей всех заводов и фабрик и с пеной у рта требовали от рабочих, чтобы мертвой забастовки не устраивали, ибо население может остаться без воды и хлеба и света, но рабочие на это не пошли и все-таки решили устроить забастовку.

На другой день ни один завод и фабрика не работали, но меньшевики сделали свое дело, а именно, на водопровод и электрические станции и на хлебопекарни они послали работать своих людей, во главе с генералами, находящимися в распоряжении меньшевистской городской думы и кроме того всеми способами изыскивали средства достать адреса необходимых рабочих, посылая к ним на квартиры юнкеров.

Забастовка удалась не полностью; была сорвана меньшевиками.

Советские войска все ближе и ближе подходили к Ростову и Новочеркасску. Верные войска ген. Каледину и Добрармии стали терпеть поражение за поражением, в рядах их получилось замешательство, части начали разлагаться, офицерам Ростовского гарнизона был отдан приказ, чтобы все они вступали в Добрармию, последний срок был назначен первое февраля 1918 г., кто не вступит до этого срока, тот должен был покинуть пределы Донобласти в лучшем случае, и в худшем должен был быть арестован.

На общем гарнизонном собрании офицеров, участником коего был и я, мы многие из участников выказывались против вступления в Добрармию и предпочитали лучше покинуть пределы Дон области.

Положение с каждым днем все ухудшалось, создалось действительно безвыходное положение. Заранее предвидя свою участь, ген. Каледин, будучи Атаманом Донобласти, предпочел застрелиться,— что и сделал в последних числах января 1918 года.

Смерть Каледина в такую тяжелую минуту для Донской контр революции создала как в верхах, так и в низах белогвардейщины неописуемую панику. Сейчас же после смерти Каледина был назначен новый Атаман Назаров, который нашел единственный выход из создавшегося положения, это всех верных членов Войскового круга, а также приближенное офицерство и стекавшихся под крылышко Дона, акул Российского капитала и промышленности, вроде Родзянко, Гучковых и др. разослать всех их по станицам и хуторам, призывая казачество к тому, чтобы они от мала до велика взялись защищать, кто чем может свой тихий Дон.

Генералы Корнилов и Алексеев принялись за создание и усиление рядов Добрармии, вливая в ряды ее детей школьного возраста, ударные батальоны стремительно направляли на фронт. Помощь им была оказана как местной буржуазией, так и союзниками, от которых они получили тридцать миллионов рублей на формирование Добрармии.

Мы всякому мероприятию к оздоровлению армии и восстановлению разрушавшегося транспорта старались повредить, разбирали рельсы, взрывали мосты, останавливали заводы, работавшие на оборону.

Против самого опасного приема с их стороны — призыва всего населения Дона стать на защиту Дона, нами были посланы из Ростова в область, станицы и хутора несколько товарищей для контр агитации, в том числе был наркомом послан и я в ст. Аксайскую, вместе со мной также был послан и тов. Колотиенко Михаил, где нужно было сорган-

зовать Ревком и не допустить, чтобы казаки этой станицы самомобилизовались и выступили бы на фронт, а таковых там насчитывалось до 1500 человек.

4-го февраля мы узнали, что в ст. прибыл полковник Попов и член Войскового Круга Карташев, которые сорганизовали Штаб обороны и призывали казаков, чтобы они выступили все, не считаясь с возрастом, на фронт. В противовес этому мы в эту же ночь создали Ревком из 12 человек казаков фронтовиков, председателем к его избрали тов. Бондарчука, он же был секретарем Штаба Обороны у полковника Попова.

Так как тов. Колотаенко был житель ст. Аксайской и его знали там как большевика, ему было на собрание граждан показаться невозможно и я вызвал в ту же ночь из Ростова тов. Антонова Якова. Собрав при помощи тов. Бондарчука все нужные для К-та сведения о количестве оружия, патронов, количестве войск и месте их пребывания, дождавшись схода казаков в правлении, где должен был решаться вопрос: итти или нет на фронт, я и Антонов пошли также на этот сход. Белогвардейцы уговаривали молодых казаков выступить на защиту Дона. Якобы только что вырвавшись из плена большевиков прибежали казаки, которые всячески старались доказать, что большевики это ни что иное, как звери грабители и т. д. Тов. Антонов, умело подошел к казакам; ему удалось закончить свою речь и благополучно выйти из толпы и скрыться. Слово было предоставлено мне, как приехавшему из Ростова офицеру, но мне окончить речи не удалось, я был схвачен и заключен в кордегардию при управлении.

На следующий день был получен приказ, гласящий, что по всем станицам и хуторам появились большевистские агитаторы, призывающие против борьбы с большевиками, коих немедленно арестовывать и расстреливать на месте Суд, прочитав мне этот приказ (сидя в кабинете атамана за чашкой чая), после долгих нерешительных допросов, решил расстрелять, заперли опять в кордегардию. Я зная о своей судьбе, все же надеялся, что Ростовский К-т и местный В. Р. К. в трудные минуты все зависящие от них меры примут для моего освобождения.

В эту же ночь я получил через щель записочку, чтобы я не беспокоился, что все меры приняты к моему освобождению, караул свой. Ростовский К-т прислал на помощь людей. Утром я увидел вокно каземата свою жену с тов. Бинклером, присланным из Ростовского К-та, которые подали мне надежду, чтобы я не падал духом. В этот же день я очутился на свободе. Документы все остались у атамана ст. Аксайской. В Ростове достал документы на имя Михаила Казачкова, казака ст. Гниловской, по которому и жил кое где и кое как.

Товарищи, которые работали в подполье, должны были ежедневно менять квартиры, т. к. аресты и обыски усилились, был произведен целый ряд расстрелов членов нашей организации. В таких условиях работать и жить в Ростове стало почти невозможно, часть наших товарищей перекочевывала в Нахичевань, я ушел на Темерник, продолжая формировать из рабочих главных мастерских и Максимовского завода отряды при помощи тов. Соловьева, Басова, Реука, Силина, Карпенко и Соловьева из Максимовского завода. Отряды были сформированы, не хватало несколько десятков винтовок. В таком положении мы оставались недолго,

февраля 8 уже была слышна под Ростовом как орудийная так и пулеметная стрельба, рабочие воспрянули духом, февраля 9 го выстрелы с утра раздавались почти у ворот Ростова, а к вечеру в самом городе

III

В ночь на девятое февраля Добрармия поспешно покидала Ростов. растерявшиеся их отряды отступали под давлением наших войск. Я и прочие товарищи, сгруппировавшись, открыли ружейную и револьверную стрельбу по отступающему противнику.

Противник, оставив батарею, в панике оставил Темерник, спустился к вокзалу. Мы соединились с наступающими цепями наших войск, которые не решились вступать ночью в город и по приказу командующего отрядом тов. Потапова отошли в ст. Гниловскую; вместе с ними отошли и мы. Я был зачислен с своим небольшим отрядом в отряд тов. Потапова, мы в количестве 150 человек с рассветом 10 февраля, разбившись на три группы во главе с Потаповым двинулись в город. Зачяв вокзал и выставив батарею цепями начали направляться к Б Садовой улице По Таганрогскому просп. мы встретили толпу рабочих, которые нас приветствовали и выражали благодарность за освобождение от ига буржуазии и золотопогонников.

В эту же ночь, т. е на 10 февраля, находящимися в Ростове членами комитета был организован В. Р. К., среди детей коего был избран тов. Жук Петр, только что освобожденный из тюрьмы, который сидел как большевик, будучи членом городской думы, секретарем был избран т. Равинович и членами Антонов Яков, Дунаевский, Колонтаенко Михаил, Чеснов, Комаров, Батвинов и я.

Как только был сорганизован В. Р. К. сейчас же было решено формировать Ростовскую Красную Гвардию, начальником Штаба коего был назначен тов. Антонов Яков, я был назначен комендантом Штаба Центральной Красной Гвардии.

С первого-же дня стали вербовать добровольцев в Красную гвардию: заняли здание Парамонова. Сорганизован штаб на Темернике, назначив начальником штаба тов. Реука. В течение трех дней в рядах Красной гвардии насчитывалось до 1500 человек. Функции Центрального штаба с каждым днем расширялись, на другой день я был назначен зам. начальника штаба тов. Антонова по военным делам и тов. Мельхер по гражданским делам. Комендантом штаба назначен тов. Полешко, а затем тов. Панин. При штабе был организован отдел снабжения, перевязочный отряд, ружейная мастерская, отдел хранилища, арсенал и следственная комиссия во главе с тов. Торским. Красноармейцы находились в штабе, для них было устроено общежитие и столовая. Часть Красной гвардии была брошена на обыски и аресты неуспевших отступить белогвардейцев и полиции, другая часть охраняла город и тюрьму, а некоторые части находились в резерве на случай тревоги, т. к. в городе грабежи не прекращались, а увеличивались. Штаб поручил тов. Сулеменко организовать специально летучий отряд кавалеристов на случай экстренных вызывов на место грабежа. Отряд был в течение трех дней сформирован и в течение трех недель энергично боролся с грабежом.

При В. Р. К. были организованы отделы, как-то: продовольственный во главе с тов. Чесновым, по конфискации и реквизации, во гла-

ве с тов. Бошбиновым, автосекция во главе с тов. Колотаенко, финансовый, во главе с Дунаевским, были назначены комиссары в тюрьму и больницы. Вошедшими частями во главе с Сиверсом и Войцеховским комендантом города был назначен т. Калюжный, а милиция подчинена штабу Красной гвардии.

В день прихода советских войск был убит бандитами профессор Колли и начальник милиции Калмыков.

Через несколько дней приехал в Новочеркасск, а из Новочеркасска переехал в Ростов Обл. В. Р. К., образовавшийся в ст. Каменской, во главе с т. Подтелковым и секретарем т. Кривошлыковым, большинство в В. Р. К. было из казаков.

На одном из заседаний Реввоенкома было решено Донобласть признать отдельной частью Российской Республики на федеративных началах и избрать Совнарком.

Последний был избран во главе с Федором Подтелковым, Наркомами были Сырцов, Болотин, Кривошлыков. В средине апреля при невероятных условиях был созван областной съезд советов и Ревкомов, где был избран Ц. И. К. С., во главе с Подтелковым, но в момент съезда советов вокруг Ростова и в самом Ростове были уличные бои. Сбежавшееся в Ростов из Новочеркасска офицерство и юнкера рассеялись по станицам Ростовского и Новочеркасского округов и продолжали свою гнусную работу. Сгруппировав несколько шаек, они повели наступление на Новочеркасск из ст. Богаевской, Бессергеневской и Заплавской, а в самом Новочеркасске Голубов, казачий офицер, сплотивший вокруг себя банду, поднял восстание и по вытеснении его из города он отступил в ст. Кривянскую, где был зарублен своей же бандой, кроме того, другая банда, спустившаяся по Дону на барже из станицы Богаевской до станицы Аксайской, высадилась, мобилизовав в Аксайской станице все мужское население, и стала наступать на Ростов.

В Ростове в этот момент, т. е. в первых числах апреля, с Украины съехавшиеся „анархисты" во главе с Васильевым, Бароном, а после Марусей Никифоровой, а также из Москвы приехал союз моряков, матросов и казаков и впоследствии присоединившийся к ним летучий отряд Ростовской Красной гвардии, захватили кассу приехавшего в Ростов Румчерода, некоторых из Румчеродцев арестовали, самочинные обыски по городу усилились, при непосредственном участии вышеуказанных групп. 6 апреля мною было доложено Президиуму Исполнительного Комитета, что в городе творится безобразие в связи с наплывом с Украины анархических групп разных оттенков и что под их влиянием летучий отряд Красной гвардии в целом и часть красной гвардии в частности не подчиняются моим распоряжениям, как вступившего в исполнение обязанностей начальника Красной гвардии.

Президиумом было решено 7-го апреля разоружить все отряды анархистов и летучий отряд Красной гвардии (в последнем было до 180 человек, при 15 пулеметах и 2-х орудиях). Разоружить все эти группы было поручено мне, т.т. Крилову, Рожанскому и Мельхеру. Часов в 5 утра нами были окружены здания Таганрогских казарм, где помещался летучий отряд Кр. гв. и дом по Б. Садовой, № 82, бывш. дом консула Мишо, и было приступлено к разоружению. Разоружением летучего от-

ряда руководил я и домом № 82, где засели анархисты, руководили тов. Турло и Абрамов. Разоружение не привело к желаемым результатам: летучий отряд был заранее предупрежден б. Начкрасгвардии Антоновым и сотрудником при Штабе Соловьевым. Когда дом летучего отряда был окружен и цепи стали подтягиваться ближе, в этот момент я с т. Самохиным пошел предложить им сдать оружие добровольно, но увидел там сильное оживление, пулеметы были выставлены в окна и на тротуаре, орудие выкатили на мостовую и готовы были встретить нас пулеметным и орудийным огнем. Чтобы предотвратить кровопролитие я предложил добровольно сдать оружие, в ответ на это они меня арестовали и начали избивать. Мои цепи, видя такую историю, недоумевая в чем дело, ушли с позиции к зданию Штаба Красной гвардии, где их собрал Комендант Штаба Полешко и привел всех к зданию Летучего отряда и заставил там сложить оружие, присоединиться к летучему отряду, что было сделано. Меня же избив и не удовлетворившись этим, некоторые из летучего отряда заявляли желание поставить к „стенке", но начальник последнего тов. Сулимов, зная меня по работе подполья, отпустил на честное слово, что до разбора дела я из Ростова не выеду. Разоружение же дома по Б. Садовой № 82 прошло удачнее, там были арестованы все находящиеся анархисты и доставлены в Штаб. Через час после случившегося прибыл на место происшедшего тов. Подтелков, собрал митинг, на котором было решено собрать совещание из делегатов от всех отрядов и выяснить в чем дело. Совещание состоялось в доме быш. Ростовско-Донской табачной фабрики. Было устроено совещание, на котором была избрана следственная комиссия по разбору инцидента, в результате следствия были арестованы некоторые из анархистов, из летучего отряда, затем были освобождены и направлены на новочеркасский фронт.

В этот период был получен приказ красную гвардию переформировать в красную армию. Был создан штаб кр.-армии, я был назначен председателем военного отдела, распустил кр.-гвардию, часть которой была передана в штаб кр.-армии.

Положение на новочеркасском фронте осложнялось и мне отдан был приказ командующим товарищем Подтелковым выступить с отрядом кр.-армии на новочеркасский фронт, куда я отправился с отрядом в 400 человек. После непродолжительного пребывания на фронте меня тов. Подтелков отозвал в Ростов для формирования отрядов из ростовских рабочих.

Атмосфера в Ростове с каждым днем сгущалась, что вынудило назначить чрезвычайного коменданта города. Назначен Семен Филиппович Васильченко. Оставшиеся в Ростове отряды продолжали вести себя анархически. В тот период генерал Щербачев со своим отрядом и командованием немцев занимали город за городом на Украине и к 3 мая дошли до Таганрога. В Ростове же пригрелась белогвардейская организация во главе с полковником Щепкиным, в помощь коей был союз фронтовиков и агитация меньшевиков. По занятии Таганрога немцами, 3 мая выехали туда тов. Орджоникидзе и Ковалев для переговоров от имени Донского Совнаркома. Все разговоры привели к тому, что мы должны были оставить Ростов 6 мая, при чем немцы ссылались на Щербачева, если, мол, он не займет Ростова раньше 6 мая.

4 мая с утра в Ростове почувствовалось оживление союза фронтовиков. В 10—11 ч. утра мне стало известно, что кр-армейцев кто-то задерживает в городе: оказалось что подпольная организация белых, имевшая у себя отряд. Союз фронтовиков и часть милиции, устроив себе штаб на знаменательной „Колхиде", имея еще в своем распоряжении ледокол, обнаглели и начали действовать открыто, захватив один грузовик, одну бензиновую машину и легковую, вступили в город под видом прекращения грабежей в городе, забирали в „плен" краснармейцев и начинали расправляться. С отрядом красноармейцев я стал разоружать белогвардейцев, они начали обороняться и отступать до „Колхиды", где отряд стоял на берегу против мореходного училища. На парах стоял пароход „Ледокол". Погрузились на него белогвардейцы и поехали вверх по Дону. Не проехав версты, на пароходе взорвался котел и вследствие принуждены были выйти на левую сторону Дона. При бегстве белые оставили на берегу броневик, легковую машину, где было около 21 чел. пленных красноармейцев были обнаружены замерзшими в сарае.

Мною была предупреждена команда „Колхиды", что если они будут прикрывать своим флагом белогвардейцев, против них будут приняты решительные меры. Команда „Колхиды" дала слово не вмешиваться.

В пять ч. вечера 4 мая было получено в „Палас Отеле" совещание сов. раб. на предмет выяснения о положении дел на фронте и о результатах переговоров в Таганроге т. Орджоникидзе. Во время совещания неожиданно для всех было получено известие, что вокзал Ростова занят генералом Щербачевым.

Все бывшие на совещании направились на вокзал, где были уже приготовлены эшелоны для эвакуации, но на вокзал пройти уже было нельзя и многие направились по направлению к железному мосту через Дон. Эшелоны под орудийным обстрелом выводились с вокзальных путей и по направлению к Батайску.

Сгруппировавшись около моста мы группой в сто человек повели наступление на вокзал и оттеснили белых. Белые отступили по направлению Темерницкого кладбища. Через 2 часа Щербачевцы повели наступление с двух сторон. Мы вынуждены были оставить вокзал, остановились на станции Заречная, в городе еще оставались отдельные лица из кр-армии и в одиночном порядке переправились через Дон. Ростов был оставлен 4 мая 1918 года.

5 мая в город вошли партизаны отряда Щербачева. 7 мая наша группа войск, оставшаяся на новочеркасском фронте, отступая выбила из города щербачевцев и заняла город, продержавшись два дня. Под давлением немцев, принуждена была оставить город и отступить на Батайск где соединившись с нами, укрепила позиции и под общим командованием тов. Дадонова не сдавала позиции в продолжение трех м цев, несмотря на ожесточенные бои и сильный натиск со стороны немецкого командования.

Таковы эпизоды революции, мною пережитые.

А. ШОТМАН.

Тов. Ленин в подполье.

(Июль—октябрь 1917 года).

Когда правительство Керенского, после четырех месяцев своего господства, летом 1917 года убедилось в своей близкой гибели, вся его ненависть обрушилась на великого вождя рабочих и крестьян—Владимира Ильича Ленина, с первого же дня своего приезда в Россию, призывавшего к свержению буржуазно-меньшевистского правительства и всего капиталистического строя. Цепляясь за власть, буржуазия и ее прихвостни-меньшевики и эсеры думали в погибели тов. Ленина найти свое спасение. Просто арестовать его или убить они боялись, ибо знали, что тогда им не сдобровать, так как огромное большинство рабочих и солдат уже тогда беззаветно шли за своим вождем. Нужен был другой способ, чтобы избавиться от тов. Ленина. Для этого был применен старый, испытанный буржуазией, способ-клевета.

Когда рабочие и солдаты изверившись, наконец, в соглашательском правительстве, видя его двойственную, вредную для широких масс, политику, вышли 3-го июля на улицу с оружием в руках, с требованием прекратить войну, передать землю крестьянам, фабрики и заводы-рабочим, т. е. выступили с теми лозунгами, которые Владимир Ильич бросал в широкие массы с первых дней своего приезда,—этот момент буржуазия сочла наиболее для себя подходящим, чтобы нанести удар наростающей пролетарской революции.

Для выполнения этого гнусного дела был выбран „бывший человек“ б. представитель петербургских рабочих во второй Думе—господин Г. Алексинский. Этот прохвост совместно с министром юстиции „социалистом“ Переверзевым и с одним бывшим русским шпионом в германской армии составили документ, в котором было сказано, что тов. Ленин является германским шпионом Это обвинение показалось настолько диким, нелепым, что даже тогдашний меньшевистский В. Ц. И. К. запретил всем газетам этот документ опубликовывать. И только, когда одна из уличных черносотенных газет его опубликовала, то и другие „солидные“ газеты его перепечатали.

Нужно отдать справедливость буржуазии,—момент она выбрала удачный. Трехдневная стрельба на улицах Питера взвинтила всем нервы до последней степени и, благодаря этому, эта дикая, в нормальных условиях совершенно-невероятная, клевета нашла себе почву. Поверили ей не только обыватели, но и часть измученных, неразбирающихся в политике, солдат. Этим воспользовалась буржуазия Офицерство и юнкера выступили открыто и первым долгом разгромили нашу редакцию и типографию „Правда“ Недалеко от типографии „Правда“ был убит рабочий Воинов, выходивший оттуда с листовкой. В воздухе чувствовалась близость погрома. Называться в эти дни большевиком, значило обречь себя на растерзание толпы озверевших обывателей. Партийные комитеты в городе были разгромлены, многие товарищи были арестованы, пошли слухи о возможности расстрела всех арестованных. Ц. К., учитывая положение, командировал ряд партийных работ-

ников в провинцию, чтобы там раз'яснить смысл происшедших событий. Я, между прочим, был командирован в Гельсингфорс. При выступлении на 12-титысячном митинге моряков мне пришлось услышать из задних рядов крики: „Долой, германский шпион". К чести балтийских моряков нужно сказать, что клевете они не поверили и вопреки всем, выступавшим против большевиков, огромное большинство выражало свое доверие пролетарской партии криками: „Да здравствуют большевики"!

Вернувшись числа 12 июля в Питер, я получил приказ Центрального Комитета партии переправить тов. Ленина в безопасное место. До этого момента я, как и многие другие работники, не знал, что с Лениным, где он, хотя все с беспокойством об этом спрашивали друг друга. Получив столь ответственное поручение и подробное указание, где его встретить, я в тот же вечер поехал по указанному адресу. Уже смеркалось когда я приехал в Сестрорецк. Далеко от станции на одной из глухих улиц, среди дач заселенных петербургскими дачниками, разыскал я указанный мне домик товарища Емельянова—сестрорецкого рабочего. Это был одноэтажный в три окна на улицу домишко. Войдя туда, сообщив хозяйке пароль и спросив „Константина Петровича" (так назывался по паспорту тов. Ленин), я присел и огляделся. Домик состоял всего из двух комнат, битком набитых ребятишками. Хозяйка—мать четверых детей,—знала, что „Константин Петрович"—Ленин и, несмотря на огромный риск, которому она подвергалась, укрывая тов. Ленина (о чем она хорошо знала), не выражала не малейшего волнения и на мой вопрос, как его здоровье, весело сообщила, что Владимир Ильич чувствует себя превосходно и на одно лишь жалуется, что газеты приходят неаккуратно.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Владимира Ильича ради его безопасности пришлось переселить в лес, т. к. тут, по ея словам, его могли бы встретить шпионы, которые, по ее сведениям, шныряют кругом. Так как мне нужно было видеть Владимира Ильича в тот же день, во что бы то ни стало, то хозяйка позвала своего сынишку и предложила ему доставить меня на место. Несмотря на поздний час (было около 11 часов вечера), мальчик лет 12—13 с удовольствием согласился. Пройдя закоулками до берега залива, мы спустили на воду лодку и я, сев за весла, а мальчик на руль, поплыли среди зарослей при лунном свете к месту жительства тов. Ленина. После путешествия около получаса по заливу и десятиминутной ходьбы среди болотного кустарника, мы подошли к огромному стогу сена, сложенного на прогалине.

После данного мальчиком сигнала, к нам вышли два человека. Было уже темно, и только слабый свет луны освещал закутанные в зимнее пальто фигуры, в которых я едва узнал Владимира Ильича и Зиновьева. О том, что тов. Зиновьев находится вместе с Лениным, я знал раньше, поэтому не удивился увидев их вместе. После горячих приветствий, мы уселись у стога сена и меня засыпали вопросами.

Перед тем как ехать к тов. Ленину, я зашел в Петербургский Комитет Большевиков, который в то время помещался на Выборгской стороне; там между прочим гадали, где находится тов. Ленин. Тогда же в беседе о дальнейшем развитии Революции тов. Лашевич, между прочим сказал: „вот посмотрите, тов. Ленин в сентябре будет премьер-министром".

Сидя у стога и сообщая Ленину и Зиновьеву петербургские новости, я, между прочим, передал им слова товарища Лашевича, на что тов. Ленин очень спокойно ответил:—«В этом ничего нет удивительного». От такого ответа я, признаться, немного опешил и поглядел на него с изумлением. Заметив мое удивление, Владимир Ильич обстоятельно стал об'яснять мне, как пойдет дальнейший ход развития русской революции. Я очень жалею, что не изучил стенографии и не записывал тогда все то, что он говорил. Но, переживая теперь это время, я вспоминаю те беседы на берегу залива у стога сена и убеждаюсь, что многое из того, что произошло после Октябрьской Революции, Владимир Ильич еще тогда предвидел. Ведь свои знаменитые брошюры «К лозунгам» и «Удержат ли большевики государственную власть», он писал в это время у стога сена. Несмотря на июль месяц, ночные болотные испарения давали себя знать. Я дрожал в своем летнем костюме от пронизывающего холода. Спать легли мы в стоге, где заботливая рука тов. Емельянова устроила нечто вроде спальни. Несмотря на зимнее пальто, которым меня укрыли, и на то, что я лежал в середине между Лениным и Зиновьевым, я долго не мог заснуть от холода. После этого я в продолжение двух с лишним недель приезжал из Питера, через день два, носил им провизию, газеты и пр., организуя в это же время надежное убежище для более продолжительного и прилячного их существования.

При первой же встрече было принято решение переехать в Финляндию, где при помощи финских товарищей можно будет устроиться более или менее безопасно и удобно. Затруднения возникли в выборе способа переправы через границу, которая в то время охранялась с необычайной тщательностью

Несмотря на то, что со времени перехода Ленина и Зиновьева на нелегальное положение прошло около месяца, газеты продолжали травлю с неослабевающей энергией, и как черносотенные, так и либеральные газетчики с пеной у рта требовали ареста Ленина во что бы то ни стало. Не только контрразведка и уголовные сыщики Керенского были поставлены на ноги, но даже собаки, в том числе знаменитая собака ищейка «Треф», были мобилизованы для поимки преступного Ленина. Но не только охранники и собаки были заняты поисками Ленина, им помогали сотни добровольных сыщиков из среды буржуазных обывателей. И, наконец, в один прекрасный день появилась в газетах заметка, что 50 офицеров «Ударного батальона» поклялись или найти Ленина, или умереть.

Пока охранники, собаки и сыщики были заняты поисками Ленина, а я - поисками надежной переправы через границу, сам Ленин был занят... работами 6-го партийного с'езда большевиков, которым он руководил из своего весьма неудобного убежища. Когда покойный Я. М. Свердлов председательствовавший на с'езде и ставя на голосование резолюции, писанные рукою Ленина, имел неосторожность сообщить, что хотя Ленин и лишен возможности лично присутствовать на с'езде, но невидимо присутствует и даже руководит, намекая на его резолюции, то все газеты подняли невероятный вой и с утроенной энергией стали требовать немедленного ареста Ленина. За делегатами с'езда была усилена слежка и мне, как члену с'езда, пришлось быть очень осторожным и свои поездки в Сестрорецк обставлять чрезвычайными мерами предосторожности, чтобы не навести шпиков на след.

С переездом в Финляндию надо было торопиться, т. к. дальнейшее пребывание в болоте становилось опасным. Появлявшиеся время от времени вблизи убежища охотники за дичью, могли случайно наткнуться на скрывающихся; сидеть же целые дни внутри стога и выходить только ночью становилось невыносимым. Общая же обстановка и атмосфера, созданные в городе арестами, газетной травлей и зловещими слухами были таковы, что расчитывать на убежище у прежде сочувствовавшей революции интеллигенции, имевшей удобные квартиры, не приходилось. Большинство активных, испытанных партийных работников были или арестованы, или раз'ехались по постановлению ЦК Партии в провинцию. За теми же товарищами, которые остались в Питере на свободе, была установлена тщательная слежка. В выборе людей, помощь которых была необходима, квартиры, способа переезда и пр. нужно было быть чрезвычайно осторожным, ибо малейшая неосторожность могла повести к аресту, а арест в то время для Ленина был равносилен почти его убийству со стороны озверевших агентов Керенского. Все это чрезвычайно затрудняло мою задачу и задерживало переезд.

Проектов перехода через границу было несколько. Каждый проект подвергался тщательному обсуждению и проверке. Забраковав несколько проектов, было решено перейти финляндскую границу пешком под видом сестрорецких рабочих (многие сестрорецкие рабочие жили на финляндской территории и для них существовали упрощенные паспорта для перехода границы). Тов. Емельянову было поручено достать у своих тов. по заводу паспорта. Паспорта были получены; нужно было только переменить на них фотографические карточки. Тов. Ленин в парике без усов и без бороды был почти неузнаваем, а у тов. Зиновьева к этому времени отросли усы и борода, волосы были острижены и он был совершенно неузнаваем. Оставалось только сфотографировать их в этом виде, наклеить карточки на паспорта и под видом рабочих перейти границу.

Фотограф был найден в лице тов. Лещенко (быв. зав. фото-кино отд.), который приехал с аппаратом и снял Ленина и Зиновьева в их «нелегальном виде». Но прежде чем переправиться, решено было проверить, насколько тщательно проверяют пограничники документы. Проверить поручено было мне лично. С этой целью мне пришлось исхлопотать для себя в Генеральном штабе Керенского разрешение на право свободного перехода через финляндскую границу, туда и обратно. Как финляндскому гражданину мне без особых затруднений такое разрешение было выдано. Для большей верности я решил взять себе помощника. В качестве такового я пригласил безвестно преданного революции тов. Э. Рахья рабочего—финна, впоследствии знаменитого комиссара Финской Красной Гвардии. Он исхлопотал себе такое же разрешение в Штабе и мы отправились «проверять границу». Перейдя пешком в нескольких местах границу—от Белоострова до Сестрорецка—мы убедились, что этот способ ненадежен, т. к. при каждом переходе пограничники чуть ли не с лупой просматривали наши документы и чрезвычайно внимательно сличали наши физиономии с фотографическими карточками. При докладе т.т. Ленину и Зиновьеву о результатах рекогносцировки, этот способ перехода был отклонен и остановились на предложенном мною и тов. Рахья. Наш план, выработанный, на всякий случай, еще

до «проверки границы», заключался в следующем: тов. Ленин поедет в Финляндию на паровозе в качестве кочегара, а Зиновьев останется в Петербурге, где для него уже приготовлена комната в Лесном, недалеко от ст. «Удельная» фин. ж. д. в квартире Айвазовского рабочего тов. Э. Кальске. Из болота было решено сначала перебраться на квартиру т. Кальске, там переночевать и уже оттуда пойти вечером на ст. «Удельная», где тов. Ленин сядет на паровоз, а мы с тов. Рахья в этом же поезде будем сопровождать его на финляндскую территорию до станции «Терноки», где в нескольких верстах от станции приготовлена надежная квартира. Машинист, т. Г. Ялава, согласившийся взять к себе на паровоз т. Ленина, был мне хорошо знаком еще с детства. И когда я ему рассказал, какому большому подвергается он риску, он с истинно-финским хладнокровием только улыбался и уверял, что «все пойдет очень хорошо».

Хотя все было приготовлено и по нашему мнению все было в порядке, мы с тов. Рахья поехали в Сестрорецк, чтобы в тот же день вывести т.т. Ленина и Зиновьева из болота. Т. Емельянов с сыном был уже у стога и укладывал в лодку накопившиеся за три недели пребывания в стогу газеты, пальто, одеяла и прочее.

Согласно нашего плана, мы с т. Рахья предполагали добраться до квартиры т. Кальске таким путем: по Сестрорецкой ж. д. доедем до ст. „Озерки" и оттуда по Выборгскому шоссе или полотну Финляндской ж. д. около шести верст пройдем пешком до квартиры. Тов. Емельянов предложил другой путь: пройти пешком до ст. „Левашево", а оттуда поездом по Фин. ж. д. проехать до ст. „Удельная" (от ст. „Удельная" до квартиры около одной версты). После недолгого обсуждения, взвесив за и против, большинством было принято предложение т. Емельянова.

Наконец вещи уложены, мальчик сел в лодку и поехал домой, а мы, пятеро побрели вдоль залива, сквозь кустарник, по направлению к Финляндской ж. д. Идти нужно было верст 10—12. Время было около девяти с половиной часов вечера, уже смеркалось. Шли гуськом, молча, тов. Емельянов впереди, как знающий дорогу. По выходе на проселочную дорогу, стало веселей, дорога пошла хорошая, навстречу—ни души. Следом за т. Емельяновым свернули с дороги на тропинку. В одном месте, благодаря темноте, потеряли тропинку, наткнулись на речку, которую перешли вброд, для чего пришлось раздеться. Разыскивая дорогу, попали на болото, обходя которое незаметно очутились среди торфяного пожарища. После долгих поисков дороги, окруженные тлеющим в корне кустарником и едким дымом, рискуя ежеминутно провалиться в горящий под ногами торф, забрели на тропинку, которая и вывела нас из пожарища. Чувствуем, что окончательно заблудились. В полной темноте, ощупью, руководимые тов. Емельяновым, который утешал нас тем, что он здесь первый раз заблудился, мы двигались вперед.

Наконец, где-то прогудел паровозный гудок. Т.т. Емельянов и Рахья отправились на разведку, а мы уселись под деревом ждать их возвращения. У меня в кармане было три свежих огурца, но хлеба и соли не догадался захватить. С'ели так. Минут через 10—15 вернулись наши разведчики с сообщением, что мы находимся близ ст., кажется, „Левашево". Надо отдать справедливость Владимиру Ильичу, ругал он нас за плохую организацию пресвирепо. Нужно-де было приобрести карту-трехверстку:

почему предварительно не изучили дорогу и пр. За „разведку" тоже досталось: почему „кажется", а не точно узнали, какая станция? Всячески оправдываясь, мы побрели по направлению к станции. Станция оказалась не „Левашево", а „Дибуны", находящаяся всего в 7 верстах от финляндской границы. Положение не из приятных. В лесу мы могли каждую минуту нарваться на разведку пограничной стражи и быть арестованными, как подозрительные лица, ибо не будут же порядочные люди шляться в час ночи в стороне от жилых мест около границы. У железнодорожного сторожа узнали, что последний поезд в Питер пойдет в 1 час 30 мин. ночи. Оставалось ждать минут 15. В ожидании поезда мы уселись на конце перрона, на противоположной стороне станции, послав тов. Рахья на станцию проверить на всякий случай, нет ли чего подозрительного. Вернувшись со станции с озабоченным лицом, он сообщил, что там стоит патруль из 10 до зубов вооруженных юнкеров. Дело плохо. Могут подойти, поинтересоваться, что за люди вдруг появились на пустынном перроне. Я предложил т.т. Ленину, Зиновьеву и Рахья уйти под откос, в темноту, а сам с Емельяновым остался сидеть на месте. Не успели они спуститься вниз, как к нам подходит вооруженный винтовкой юнкер и обращается к т. Емельянову с вопросом, что он тут делает. Так как Емельянов к такому вопросу не был подготовлен, то понес чепуху, которая, повидимому, юнкера не удовлетворила, т. к. как после фантастических объяснений Емельянова, он предложил ему следовать за ним. Моя особа, как более прилично одетая, повидимому, не возбудила в юнкере подозрений, т. к. он очень вежливо осведомился, не дачник ли я местный и не жду ли поезда, идущего в Петроград, что я ему, тоже очень вежливо, подтвердил. Затем он молодцевато звякнул шпорами, повернулся и повел с собой повесившего нос Емельянова. Не успел я опомниться, как подошел поезд. Как же мне быть, думал я, и решил остаться, чтобы завтра, проведя остаток ночи и дня в лесу, увести их в „Удельное". Только я успел притти к этому решению, как передо мной появился человек с винтовкой, но не этот раз в форме ученика реального училища и вежливо, но настойчиво докладывает: „Это последний поезд, сегодня больше не будет. Вы на этом едете?" Мне ничего больше не оставалось делать, как подняться на площадку вагона, что я и сделал. Все это произошло так неожиданно, что я был буквально ошеломлен, до того ошеломлен, что выскочил из поезда не на ст. „Удельная", где я должен был сойти, чтобы предупредить т. Кальске о случившемся, а на ст. „Озерки", т. е. не доезжая 6-ти верст. Заметил я свою ошибку только тогда, когда поезд уже ушел. Было уже около трех часов утра, когда я пришел к т. Кальске. Когда я вошел к нему в комнату, я не верил своим глазам: на полу лежали и, глядя на мою растерявшуюся фигуру, хохотали Ленин, Зиновьев и Рахья. Оказывается, что они, сидя под откосом, видели, как арестовали Емельянова, и как меня реалист чуть не штыком подсаживал в вагон. Вместе со мною в поезд сели они и т. к. они не растерялись, как я, то и доехали спокойно до ст. „Удельная", а пока я плелся с „Озерков", они успели поужинать и уже почти засыпали, когда я пришел.

Теперь предстояло, как можно скорей предупредить жену т. Емельянова об аресте ее мужа (на утро впрочем его освободили), чтобы она могла скрыть следы пребывания там т.т. Ленина и Зиновьева.

Квартиру т. Емельянова знала тов. Полуян, проживавшая на Петербургской стороне, по Широкой улице. Ее было решено послать с первым

утренним поездом в Сестрорецк. Так как времени терять было нельзя, я, кое как перекусив, пошел к т. Иолуян. Был уже шестой час, когда я доплелся до ее квартиры. Рассказав, что надо сделать, я поспешил на Выборгскую сторону к машинисту, тов. Ялава, который должен в этот же день вечером отвезти Ленина в Финляндию.

В тот же день вечером, оставив тов. Зиновьева на квартире т. Кальске, мы втроем направились к станции. С замиранием сердца ждем у перрона прихода поезда. Наконец подходит. На паровозе мелькнула знакомая фигура машиниста, жмем Ильичу руку и направляемся к паровозу. Ильич в парике, бритый, похож на настоящего финна. Вскочив на паровоз и засучив рукава, берет полено, бросает в топку. Все идет хорошо. На каждой остановке мы с т. Рахья выскакиваем из вагона, наблюдаем за паровозом, сердце екает. Поезд подходит к Белоострову, предстоит двадцатиминутная остановка и тщательная проверка документов, а иногда и обыск. Едва поезд остановился, находчивый тов. Ялава отцепляет свой паровоз и уводит его куда-то в темноту за станцию..., набирать воды. Мы чуть не аплодируем. И пока бывшие жандармы проверяли документы, т. Ялава где то „набирал воды". Перед самым третьим звонком подходит паровоз, дает гудок и минут через 15 мы почти в полной безопасности на финляндской территории. Мы с тов. Рахья спешим к паровозу, радостно жмем руку Ильичу. У станции „Терийоки" приготовлены лошади, а в четырнадцати верстах квартира.

Оставляю Владимира Ильича на попечение т. Рахья, со следующим поездом еду в Гельсингфорс приготовить квартиру и дальнейший переезд по ж. д. до Гельсингфорса. Посланные на другой день из Гельсингфорса в Терийоки два товарища-финна доставили т. Ленина в небольшой городок Лахти, находящийся в 130 верстах от Гельсингфорса. При помощи депутата финляндского сейма устраиваю дальнейшую переправу и, наконец, встречаю Владимира Ильича в Гельсингфорсе на квартире . . . . Гельсингфорского Полицеймейстера.

В то время, еще при буржуазном правительстве, социал-демократы при коммунальных выборах, получив большинство голосов, назначили полицеймейстером социал-демократа Густава Ровно. Это мой старый друг, петербургский рабочий, ныне финский коммунист, быв. затем при красном правительстве начальником милиции гор. Гельсингфорса. Более надежной квартиры нельзя было придумать.

После водворения Владимира Ильича в столь надежное место, я счел свою миссию выполненной и по приезде в Петроград получил от ЦК командировку на Урал. По приезде с Урала, я застал Владимира Ильича уже в Выборге, а затем в конце сентября в Петрограде. С сентября до 24 октября Владимир Ильич непосредственно руководил подготовкой Октябрьской Революции.

И когда, наконец, было решено взять государственную власть в руки рабочих Владимир Ильич 24-го октября переехал из Лесного в Смольный. А 25 октября 1917 года Владимир Ильич вновь легализовался, но на этот раз уже в качестве Председателя Совета Народных Комиссаров.

А. ПОДГОРНЫЙ.

Октябрьские дни в Москве.

Октябрьским дням в Москве предшествовали сентябрьские выборы в районные думы.

Большевизация масс обеспечила победу большевиков.

Я в это время был солдатом 22-й Автороты — большевиком и одновременно членом Московской организации Украинской социал демокр. рабочей партии, членом ротного Комитета и кандидатом Московского совета. К слову заметить, что Украинская организация состояла всего из 8-6 чел. с товарищем и товарищкою Чабан во главе. Гораздо сильнее были организации эс-эров.

При выборах в районные думы эсеры выставили свой список. Мы решили голосовать за список выставленный МК (б). Заседания происходили одновременно и в одном помещении. Эсеры напирали как поборники интересов родной неньки Украины и предсказали нам провал в украинских частях.

Мне поручили отстаивать постановление орг. в среде Украинцев 22-й роты. Общее собрание. Прибывают члены рады (эсеры). Агитируют за свой список. Заканчивают словами: „не голосуйте за большевиков". Солдаты слушают молча.

Выступаю я. Заканчиваю: „долой большевиков, все голосуйте за список № 5"*). Смех, аплодисменты. Члены рады удаляются с поникнутыми головами. При выборах почти все голосуют за список № 5 (большевиков).

Историческое заседание Московского совета 26-27 октября в помещении Политехнического Института. Страстные прения по вопросу о захвате власти.

Фракционные заседания.

Тов. Смидович, Усиевич, Ярославский и др. передают отрывочные сведения о движении в Петрограде. Точных сведений нет. Но было ясно, что там начата борьба за захват власти. Решаем:—поддержать начатое Питерскими товарищами выступление. Командированные на заседание беспартийных т. т. привлекают и их на нашу сторону.

Заседание возобновляется. Лидеры партии выступают с декларациями. Голосование. Большинство за захват власти, за немедленное выступление.

Эсеры и меньшевики покидают зал заседания. Мы остаемся и вырабатываем программу действий. С трибуны сообщают о начавшемся вооружении юнкеров и студентов. Выбираем Военревком и постановляем: информировать все части о положении, быть на чеку и на следующий день в 2 часа собраться для окончательного утверждения плана действий.

Туманное утро 27 го октября. Никакого движения на близлежащих улицах (около Ходынки и Петроградского шоссе). Солдаты сообщают о проезде грузовика с вооруженными юнкерами.

*) Список № 5, был списком большевиков.

Погружаемся на грузовик и по совершенно безлюдным улицам движемся к Лубянке. Встречаемся с товарищами из артдивизиона. Передают, будто здание Московского совета (Скобелевская площадь), окружено юнкерами и по Тверской проехать нельзя. Делаем круг. К зданию Политехнического института спешат одинокие серые шинели. Кругом загадочная тишина.

Заседание открывается. Выступает т. Савва-Степняк (кажется он) и информирует о положении. Кремль занят юнкерами. Вчера с ними была перестрелка. Весь президиум Совета Солд. депутатов (эсеры и меньшевики) покинул здание Совета, уничтожив перед уходом весь архив и перешел в город. думу, где совместно с Рудневым (Городским головой) организовал комитет защиты и спасения Родины и Революции. Этот комитет решил бороться против захвата власти Советами.

На его стороне юнкера и студенты, получившие полное вооружение.

Командующий войсками М. В. О. ведет себя двулично.

По всем признакам рудневцы усиленно готовятся и пытаются занять здание Московск. Совета. Выступают т. т. Призывают к немедленному выступлению.

Кто-то из вновь прибывших на заседание сообщает, что Московск. Совет окружен и мы теперь от него отрезаны. Выясняем, что здание Совета охраняют незначительные части.

Совет постановляет: выбрать десятку, которой поручить немедленно поставить на ноги все части гарнизона и руководить ими до соединения с Военревкомом.

В десятку от 22 Автороты вошел т. Григорьев. Из десятки мне поручают немедленно организовать пять грузовиков для связи с частями и оповещения о необходимости немедленного выступления.

Возвращаемся обратно. Общее собрание. Прибывшие 2 эсера и 1 меньшевик призывает солдат не участвовать в выступлении. Мы раз'ясняем значение их лозунгов. Солдатская масса заволновалась. Делегаты Комитета Спасения благородно ретируются. Выбирается Военнорев. Комитет. Я его председатель.

Неумело и несмело отдаю распоряжения. Возмужавшиеся офицеры роты обезоружены. Темнеет. Грузовики готовы. Ко мне подходит какой-то матрос и два рабочих с фабрики „Сиу" и просят разрешения вместе с автомобилистами ехать сражаться с юнкерами.

Прибыл представитель десятки с адресом штаб-квартиры. Трогаемся. На улицах тишина и тьма непроглядная.

Прибываем к месту назначения—какой-то захолустной улице рабочего квартала.

На каждый автомобиль садится член десятки с приказами частям. Шоферам рекомендую подчиняться этим членам. Один из них меня приглашает ехать.

В темноте натыкаемся на заставы юнкеров Алексеевского училища. Делаем круг и спешим к полку.

В канцелярии штаба нас встречает человек 5 тов., с напряженным вниманием выслушивают приказ и сообщают, что они совершенно готовы к выступлению.

Из беседы выясняется, что все офицеры сбежали из полка за исключением одного прапорщика, который ночует в казарме.

Подходим к нему. Он сообщает, что не может выступать против солдат, потому что сам вышел из крестьянской среды, а также против офицеров, которые в случае победы могут лишить его офицерского звания и вообще издеваться над ним.

Оставляем его в покое. Выходим во двор. Раздается команда.

Серые ряды под командой унтер-офицеров и своих депутатов бодро зашагали по направлению к Московскому Совету.

Заезжаем на какой-то завод. Там рабочая гвардия. Узнают, что свои. Тревожно расспрашивают о настроении солдат. Вспоминают 5-й год. Уверенно сообщаем мы о том, что в этом (17 году) все солдаты на нашей стороне. Узнают, что мы голодны. Откуда-то притащили закуски и чай.

Радостно смотрят на наши серые шинели. Рассказываем о том, что сейчас все полки переходят в наступление по всему городу.

Во дворе группа голодных рабочих и работниц поет Интернационал.

К утру приезжаем на Смоленскую на площадь. Кругом наши части. Около Хлебного переулка баррикады. Из дома генер.-губ. стреляют засевшие там городовые. Слышится ружейная стрельба около Кремля (в сторону Никитских ворот).

Во Ревкоме получают донесение о заговоре офицеров гарнизона села Павлоградского (около Москвы) и их стремлении соединиться с частями Комитета Спасения. Ко мне подходит кто-то из руководящих сотрудников штаба Ревкома (его фамилия, кажется, Сорокин) и сообщает, что ему поручено срочно ликвидировать заговор. Посоветовались и решили: взять 50 солдат, посадить на грузовики, мигом туда нагрянуть и разоружить всех находящихся там офицеров.

Последние при нашем приближении разбежались из казарм и квартир. Выяснилось, что пока нет явного перевеса на стороне юнкеров, офицеры полка не выступят.

Отобрали оружие. Поставили на ноги нестроевых солдат (остальные сражались в Москве за власть Советов).

К вечеру вернулись в Москву.

Здесь уже поработала артиллерия.

Знаменитый „Ярь" имел несколько брешей. Ходынские пехотные полки принимали активное участие на стороне Совета. Артиллерийский дивизион уже пустил в Кремль несколько снарядов и устанавливал орудия на Страстной площади.

Заезжаем в свою роту (около Ходынки, конюшни скакового ипподрома).

Устраиваем под моим председательством заседание Военревкома. Выясняем настроение солдат.

Почти все готовы выполнять распоряжения Ревкома.

Утримаются (воздерживаются) лишь эсеры-украинцы. Запорожский полк на Ходынке тоже сохранял нейтралитет.

Решили установить тесную связь с Артдивизионом, авиапарком и Ходынскими пехотными частями. Все автомобили привести в готовность и по первому требованию Ревкома Москвы отправить в район боевых действий и пр.

До полуночи провел в штабе Ревкома. Наши части перешли в наступление. Я вместе с т. Грачевым (делегат пулеметчиков) напра-

вились с небольшим отрядом к Театральной площади и после небольшой перестрелки ручными гранатами очистили ее и заняли г. Метрополь.

Этим мы свое задание выполнили, оставили посты и вернулись в Совет.

Здесь я от т. Розенгольца (или Усиевича) получаю задание несколькими автомобилями привести с Курского вокзала оружие для вооружения рабочей гвардии. Ее представителей сажаю на свои (22 роты) грузовики и к утру какой-то из рабочих районов (кажется Бутырский) полностью вооружен.

Часть винтовок привезли в Совет.

26 и 30 части вплотную подошли к Кремлю. Со Страстной била артиллерия.

Упорное сопротивление оказывали юнкера у Никитских ворот. Вместе с т. Григорьевым (другой делегат 22-й роты) я принял участие в разоружении какого-то юнкерского училища. Едва удалось сдержать бушующую солдатскую массу. Но несмотря на запрещение, кое где после политических переговоров, солдаты проезжались по физиономиям юнкеров.

Я и тогда потерял счет, —а теперь точно не помню чисел. Все дни и ночи был на ногах. На 5 или 6 день ночью получаем сведение, что Руднев просит перемирия и наш Ревком посылает делегацию с предложением всем сторонникам Комитета Спасения сдаться и признать Советскую власть.

Комитет Спасения принял условие Ревкома.

Мы победили. Возвращаюсь в роту; информирую о положении. Солдаты поздравляют друг друга с победой.

После обеда еду к Совету вместе с остальными членами Ревкома. Все улицы запружены. Буржуазная публика косилась на проезжающие и проходящие шинели и глухо волновалась.

Мы переглядывались и без слов понимали друг друга. У каждого видно было восторженное и приподнятое чувство победы

4 или 5 ноября произошли выборы в Московский Совет. Счетчики вслух подсчитывали голоса (подача записок).

„Титов, Григорьев, Подгорный, Лебедев", звучало в помещении собрания. Избирать нужно было 4-х делегатов. Почти единогласно нас избирают. Все голосуют только за большевиков.

6 или 7 ноября состоялось первое об'единенное заседание нового Солдатского и рабочего Совета. Постановляем отныне по примеру Питерцев Советы слить и именовать Советом Солд. и Раб. Депутатов.

Выступал Усиевич, Ярославский и др. От имени образовавшегося левого крыла эсеров выступил Саблин, раненый в ногу около дома генер.-губернатора при его взятии и поэтому окруженный некоторым ореолом величия.

Аплодисментами встречает Совет своего Командвойск Округа -т. Муралова.

Из Питера передают вести о полной победе. Такие же вести передают Нижне-Новгородцы.

Поздно ночью я ухожу с заседания с полной верой во Всероссийскую победу.

ЦИХОН.

Октябрьские баррикады в Москве.

Бауманский район— один из боевых районов Москвы. Он один из первых стал готовиться к решительной схватке с издыхающей буржуазией в октябрьские дни. Он один из первых приступил к организации боевых дружин, как только была получена весть о захвате власти Питерскими рабочими. К организации боевых дружин приступил наш Партком. Боевые дружины стали организовываться из коммунистов и беспартийных рабочих. За несколько месяцев до октября. Многие из вступивших в дружину не умели владеть винтовкой. Их обучали срочно по вечерам в партийном клубе. Оружия у нас было совсем немного. Мы имели всего 48 берданок и к ним небольшое количество патронов. Рабочих район насчитывает до 30000. К выступлению активно готовилось около одной трети.

Немногие из рабочих имели револьверы.

Накануне октябрьских событий был созван пленум совета совместно с фабричными комитетами, профсоюзами, представителями ячек РКП. На повестке дня доклад пленума Московского совета об отношении к событиям в Петрограде После недолгих прений вынесено решение объявить забастовку и с оружием в руках добиваться захвата власти в свои руки. Решение принято было единогласно за исключением, кажется, меньшевиков, которые воздержались от голосования. Это историческое заседание состоялось в рабочем клубе при военно-промышленном заводе. На этом собрании был создан революционный комитет, который руководил всем повстанческим движением. В этот же вечер Московский комитет созвал Всерайонные думы, которые состояли в подавляющем большинстве из коммунистов. Товарищ Шлихтер сделал доклад о надвигающихся событиях. В краткой горячей речи оратор призывал с оружием в руках вырвать власть у буржуазии. Тут же нам было сообщено, что главнокомандующий Рябцов предъявил ультиматум с требованием в течение 15 минут сложить оружие и признать власть временного правительства, которое должно существовать до созыва Учредительного собрания. В ответ на этот ультиматум раздался крик: „На баррикады". „С оружием в руках мы добьемся власти советов".

С пением „Интернационала" мы разъехались по районам. А тут уже были получены указания из центра, создать одну боевую дружину и направить ее в Московский комитет РКП. Штаб распорядился расставить пикеты и задерживать автомобили. Одновременно была отправлена разведка. В это время были уже слышны отдельные выстрелы. Выяснилось, что стреляла разведка юнкеров, которая наткнулась на нашу разведку. В это же время мы узнали, что белогвардейцы подожгли военно-обмундировочную фабрику (бывший Марс), в которой работало 4000 чел. Я с отрядом рабочих явился на пожарище, но там уже стоял наш отряд из местных рабочих и принимал энергичные меры к ликвидации пожара. Тут же был отдан приказ охранять все заводы и фабрики,

В эту же ночь я с товарищем Базановым отправился на разведку. Мы встретились с разведкой юнкеров. Они выстрелили. Мы на выстрел не ответили. У нас оказались неисправными затворы...

Стрельба в городе между тем усиливалась все больше и больше. Воинские части примкнувшие к нам и рабочие отряды оцепили улицы и стали вылавливать разведки юнкеров.

Одновременно велась подготовительная работа по устройству баррикад. Мы дружно рыли каналы поперек улиц, пилили телеграфные столбы, снимали ворота. К утру работа была кончена. Баррикады были воздвигнуты. Начались бои с кадетами и юнкерами. Настоящие бои. Трещали пулеметы, гремели орудия, летели снаряды в корпуса юнкеров. От взорванных зданий, кверху поднималась пыль. В первый день боя у нас не было достаточного количества оружия. Тогда ревком принял решение—разоружить, так называемое, „христово войско“ ополченцев ратников, которые стояли в стороне от борьбы. Они были очень довольны, что у них отнимают винтовки. А рабочие массы с восторгом брали винтовки и патроны и отправлялись на позицию.

В первый день борьбы мы достигли первых успехов: кадетская молодежь сдалась.

Мы понесли небольшие потери, хотя противник все время стрелял разрывными пулями. К ночи канонада несколько стихла. Ночью же ведется подготовительная работа к новым боям.

Ночь поджигается сарай и заново пожара освещает позиции. Мы продолжаем рыть окопы. Рядом с нами наши фоногарейские казармы. Солдаты и рабочие временно ходят туда греться. Туда же приводятся захваченные в разных местах офицеры и буржуазия; пленных сажают в отдельную камеру.

К утру опять бой продолжается. Опять гремят пушки и трещат пулеметы и винтовки со всех сторон. Юнкера продолжают стрелять в нас разрывными пулями.

Днем поступают сведения из центра, что об'явлено перемирие для переговоров с белыми. Эта весть вливает в нас новую энергию. Мы еще с большим энтузиазмом усиливаем канонаду.

На третий день борьбы к вечеру юнкера выкинули белый флаг. Наша делегация отправилась к ним. Они сдались. Наши части вступили в юнкерское училище. Разоружили всех юнкеров, согнали их в отдельную комнату. Наши части заняли казармы и нашли там богатые трофеи: разного рода оружие, трехлинейные винтовки, масса патронов, ручные гранаты, бомбы. Рабочие вооружились „до зубов“. Тут же было обнаружено большое количество продовольствия.

Немного подкрепившись, наши части отправились в бой к Покровским воротам. Там велась ожесточенная борьба за обладание каждым кварталом. Со всех сторон велось наступление на Кремль. Здесь сопротивление офицерства, юнкеров было упорное. Они расчитывали на помощь. Но героизм рабочих и солдат сметал со всего пути все препятствия. Все стремились к одной цели—взять Кремль, смести оплот буржуазии. Герои—рабочие и солдаты заявляли, что в плен брать врага не нужно—мы должны отомстить буржуазии за наших погибших борцов. Проявленный героизм со стороны пролетариев и трудового крестьянства ознаменовывал начало социальной революции.

Несмотря на то, что участники боев не спали по трое и по пяти ночей, они проявляли необычайную бодрость. Все интересовались вопросом, кто вошел в совет Народных комиссаров, какие получены вести с фронтов.

Выслушав сообщения, с бодростью спать отправлялись по указанию.

За все время упорной борьбы с заклятым врагом у нас царила товарищеская дисциплина. Все приказы точно выполнялись, эта спайка, эта товарищеская дисциплина, этот необычайный героизм и презрение к смерти привели нас к победе.

В этих решительных боях мы потеряли лучших наших братьев павших за дело освобождения всего пролетариата от ига капитала. Но оставшиеся довели дело до конца, власть в Москве нами была захвачена в свои руки. И теперь когда мы продолжаем борьбу с мировым капиталом, когда мы в течение 4 лет нанесли ему тяжкие раны, когда мы видим признаки его смерти, мы еще раз должны вспомнить о наших героях в Октябрьские дни и еще раз дать клятву, что доведем борьбу до конца, что добьемся социалистического строя.

А. ИЗРАИЛЕВИЧ.

Предпарламент и Смольный.

Накануне великого исторического дня 25-го октября в Мариинском дворце заседал Предпарламент. В нем сидели представители крупной буржуазии, мелкая буржуазия, кооператоры, лже-социалисты меньшевики и эсеры. Они сидели в Предпарламенте, „творили" законы и ждали Учредилки. Представители помещиков и фабрикантов сильно надеялись на Предпарламент. Они были уверены, что так называемое „народное собрание" погубит все завоевания революции и возвратит им помещичье-капиталистический строй. Мелкая буржуазия, кооператоры и лже-социалисты меньшевики и эсеры расчитывали, что Предпарламент дотащит их до Учредилки и спасет их от большевизма.

В Предпарламенте царила тесная связь между всеми указанными группировками. Они все инстинктивно сплотились для борьбы с большевизмом. Но надо было обладать большой наблюдательностью, чтобы не видеть убожества и уродства „законодательного органа", который умирал перед надвигающимися октябрьскими событиями.

Душой Предпарламента был, конечно Керенский. Он выступал на трибуне в Предпарламенте, как спаситель революции. Он обычно громил большевиков и грозил им жестокой расправой. И вот глядя на эти клоунские выступления прежде всего, нельзя было не предвидеть его скорую гибель. Когда приходилось бывать на заседаниях Предпарламента, в особенности в дни выступления Керенского, то замотна была та пропасть, которая существовала между Предпарламентом и трудящимися.

Там в районах без смеха о Предпарламенте не говорили. В районах и рабочих кварталах члены Предпарламента, конечно, не появлялись. Они, в полном смысле слова, были оторваны от масс. Только в кулуарах Предпарламента господа „законодатели" много шумели. Здесь все дышало сплетнями, слухами инсинуациями. Конечно, в центре внимания были большевики. Для членов Предпарламента не было, конечно, секретом, что во всех районах Петрограда, за несколько недель до исторических событий, велась горячая кампания против Предпарламента.

В этот период на митингах и собраниях ораторы нашей партии открыто призывали к захвату власти. Предпарламент дискредитировался во всех его действиях. В кулуарах выражалось возмущение такому поведению большевиков, коих лидеры грозились, но они были безпомощны. Они не имели возможности, или точнее, не имели силы для того, чтобы приступить немедленно к разгону организаций, к разгрому Смольного, этого революционного очага. Свое бессилие Предпарламент демонстрировал накануне исторического дня. Я слышал выступление Керенского 23 октября, когда до сведения премьера дошли, что большевики готовят переворот. Материалом, прежде всего, послужили статьи тов. Ленина, в которых он призывал трудящиеся массы Петрограда к восстанию. Эти ста-

тьи вспугнули Предпарламент. „Избранники“ народа почувствовали себя в опасности. Они теснее сплотились вокруг своего вождя.

А вождь с пеной у рта громил с кафедры большевиков. Он указывал, что большевики всерьез надумали поднять восстание, что необходимо принять решительные меры к подавлению восстания, что только решительными мерами можно спасти все завоевания революции. Предпарламент бурно аплодировал своему вождю, на лицах депутатов появлялась надежда на спасение.

И все же... все же в кулуарах с боязнью и иронией говорили о том, что новое правительство, правительство большевиков уже избрано, что во главе правительства стал страшный Ленин. Сначала об этом говорили на ухо, а вскоре слух пополз по всему Предпарламенту. Пробо копатели великой революции не имели представления о том, что творилось в Смольном. А там вот что было.

Накануне великих исторических дней—захвата власти трудящимися, в Смольном заседал областной с'езд советов. На с'езд с'ехались представители армии и флота. Порядок дня с'езда не был опубликован но все знали, что с'езд должен разрешить один вопрос. Он должен провести в жизнь давно назревшее требование рабочих и крестьян—вырвать власть из рук буржуазии и, таким образом, закрепить все завоевания трудящихся.

С'ездом руководил товарищ Троцкий. Он в своих речах доказывал необходимость восстания, он призывал на немедленное действие, он рассеивал сомнения колеблющихся. Да таких было очень немного. Да и колебаний не могло быть, ибо на первом же заседании с'езда выявилась воля рабочих и крестьян и армии — захватить власть в свои руки.

В Смольном были также кулуары. Но жизнь в них была противоположна кулуарам Предпарламента. Надежда и вера в победу написана была на лицах членов с'езда и представителей районов. Здесь открыто говорилось о настроениях рабочей массы в районах. Представители районов передавали о том, что на многочисленных заводах и фабриках Петрограда пролетарии единогласно выносят резолюции о необходимости захвата власти. Представители армии и флота с гордостью сообщали готовность а р м и и и ф л о т а выступить в з а щ и т у лозунгов, провозглашенных вождем мировой социальной революции товарищем Лениным. Все готовились к бою....

Да и сам Смольный с внешней стороны представлял картину настоящей крепости. Перед зданием стояли броневики, стояла надежная охрана. В штаб пролетарской революции не впускали без пропусков. Утром 24-го октября в кулуарах Смольного распространился слух, что в Смольный прибыл товарищ Ленин.

В этот же день товарищ Троцкий на с'езде областного совета, который фактически заканчивал свою работу, в пылкой речи довел до сведения присутствующих, что „рота за ротой, полк за полком переходят на нашу сторону“...

На с'езде не было сомнений, что победа за нами обеспечена.

25-го октября Предпарламента не стало. Небольшая часть матросов подошла к Мариинскому дворцу и разогнала его...

Как тени выходили „избранники" народа из дворца. Они послушно предъявляли свои мандаты и боязливо косились на матросов.

Вечером в тот же день открылся с'езд советов. К моменту открытия в зале появился товарищ Ленин.

Передать восторг присутствующих трудно. Долго не могла аудитория успокоиться при виде великого вождя, который по милости предателей революции должен был скрываться после июльских дней.

С'езд открылся, а красный флот выполняя клятву защитить завоевания трудящихся, добытые потоками крови,—громил зимний дворец, в котором укрылись жалкие остатки Предпарламента. Эти выстрелы возвещали миру о наступившей новой жизни для трудящихся всего мира... Эти выстрелы внушали надежду на социальную революцию и эти же выстрелы заставили заговорить господ же социалистов меньшевиков и эсеров, понаших на с'езд.

Меньшевики потребовали от совета прекратить стрельбу и освободить жалкие остатки Предпарламента. На их требование был дан решительный ответ:

„Борьба будет доведена до конца".

Же социалисты демонстративно покинули зал заседания и заявили, что они отправятся на площадь Зимнего Дворца и там умрут с теми, кто расстреливает. Конечно, господа министры, засевшие в Зимнем дворце, были ни дорже, чем те, кто сидели в зале.

Они уходили и заявили, что их равно как и диктатура большевиков продержится не более двух недель ...

С'езд избрал Совнарком, принял закон о передаче земли крестьянам. С'езд спокойно заседал, ибо участники его -рабочие и крестьяне знали, что отныне вся власть принадлежит им, что эта власть поддерживается миллионами крестьян и рабочих России.

ВОРОШИЛОВ.

Из недавнего, безконечно далекого, прошлого.

Знаменательнейший день в истории России и всего человечества 25 октября, был так недавно, всего лишь четыре года тому назад. Сущие пустяки. А начинешь последовательно, с конца, перебирать в памяти все пережитое за эти четыре года, хочется скорее добраться до начала великих событий, до отправного пункта Пролетарской Диктатуры, до этого всемирно-исторического 25-го числа—Красного октября. И невольно задаешь себе вопрос—точно ли прошло 4 года с момента, как в России воцарилась советская власть.

Да, только 4 года. В длинной истории человечества—один миг. И однако, пережившим эти годы и многим грядущим поколениям, которые будут изучать подробно эту величавую эпопею борьбы двух миров, будет казаться, а нам теперь кажется, что мы живем безконечно долго, что 25-е октября 1917 года было очень, очень давно. Да, большими пластами легли на нашу психику пережитые за это время великие события. Их было так безконечно много: они были так многообразны в проявлении и так однотонны по внутреннему своему содержанию. В самые бурные периоды человеческой истории, то что пережито нами за 4 года, не переживалось многими, многими поколениями. С трудом через плотную стену пережитых событий, добираюсь памятью к октябрю 1917 года в один из пролетарских муравейников, в котором я тогда работал. Хочу припомнить все значительное, не говоря уже о знаменательном, что связано с Октябрьской Революцией.

К моему сожалению, перебирая в памяти факт за фактом из того времени, я ничего не могу отметить, как яркое, особенно разительное, достойное внимания.

Октябрьские дни в городе Луганске были обыкновенными днями, похожими на предшествовавшие дни 1 сентября и августа 17 года.

Помнится только, что по получении телеграмм из Питера о перевороте, я, как председатель Луганского Совета, созвал пленум последнего, доложил радостную весть.

Помнит я, никакого особенного восторга депутаты не обнаружили.

Сообщения были выслушаны серьезно, сосредоточенно. Посыпались деловые вопросы Исполкому о принятых мерах, усилении охраны, общей бдительности, дополнительных арестах, относительно банка, суда, телеграфа и пр.

Но все эти вопросы носили скорее характер контрольный, проверочный, чем актуальный, т. к. члены совдепа отлично знали, что все это в значительной части уже сделано, а остальное, будет осуществлено немедленно.

Необходимо отметить следующее: Луганск, этот активнейший из революционных пролетарских центров Юга России, с марта мес. 17 г.

взял прямой курс на Пролетарскую Диктатуру и вследствие ряда причин Луганскому пролетариату фактически удалось овладеть властью, осуществить свою диктатуру задолго до Октябрьских дней.

В 1905—07 г.г. Луганская организация большевиков насчитывала до 2½ тысяч членов партии. Меньшевики и эсеры никогда не могли обосноваться в этом городе не смотря на то, что меньшевики одно время (1906 г.) господствовали во всем Донбассе.

Царская реакция 1908—12 г.г жестоко потрепала ряды нашей организации, но Луганская база осталась за нами прочно и партийная жизнь не прекращалась даже в самые мрачные дни черной реакции.

Мартовский переворот 17 года сразу вдохнул живую душу в работу нашей организации, насчитывавшей к этому времени всего лишь до 40 чел.

В марте 17 года Ц. К. и Бюро фракции Питерского Совета, по моей просьбе, я был командирован в гор. Луганск.

В меньшевистском Совете Луганска я был встречен весьма радушно, мне, не задумываясь, как старому луганчанину, предложили председательствование в совете. Я отказался. Тут мне представилась возможность близко познакомиться и с составом Совета и с его настроением, и тем «духом», которым была пропитана рабочая масса.

На повестке дня стоял вопрос о праздновании 1 Мая.

Огромное большинство депутатов стояли за работу в день первого мая, посвятив этот день фронту.

Горячо выступали меньшевистские и просто хулиганские (были и такие) ораторы, доказывая недопустимость каких то празднеств во время великой войны, ведущейся за свободу человечества.

В Совете насчитывалось 10—15 большевиков и их выступления тонули в гуще шовинистического воя всего Совета.

Выступил я. Выслушали внимательно, но нервно. Чувствую, что симпатии большинства ко мне исчезли. Наши ребята готовы пуститься в рукопашную и требуют снятия вопроса и перенесения его на заводы для предварительного обсуждения в массах.

На заседании появляются только что прибывшие из Питера оффициальные представители Исполкома Петроградского Совета: твородумцы меньшевики—Нестеров, Нагих и Баташов. После приветствия и пр. двое из прибывших высказываются за работу в день 1 Мая. Мотивы те же.

Баташов высказался за празднование, сославшись на Питер, где также решили праздновать. Выступаем снова и снова. С большим трудом и скандалом удается большинством одного голоса вырвать решение о праздновании международного праздника. Поведение меньшевиков глубоко возмутило наших товарищей, а новичкам в политике открыло на многое глаза. Некоторые тут же заявили, что они не доверяют теперь меньшевикам.

Нечего и говорить, конечно, что на широких рабочих митингах мы во всю разоблачили меньшевистских заправил, должным образом использовав позорное их поведение в вопросе о 1-м Мае.

В продолжение нескольких дней на тысячных рабочих митингах мы выступаем совместно с прибывшими оффициальными представителями соглашательской власти. Мои и других т.т. речи в первое время, встречались

не только сдержанно, но в некоторых местах даже враждебно. Помогали нам сами меньшевистские ораторы. После речей этих идейных предателей рабочего класса было нетрудно дорисовать картину того рая, который готовился пролетариям и крестьянам России этими господами, разделившими по братски власть с немецкими и буржуазией.

В каких нибудь две-три недели наша организация, вобравшая за это время всех старых большевистских бойцов пролетариев, стала мощным рычагом в руководстве всем движением не только города, но и его районов. Меньшевики больше не осмеливаются показываться на рабочих митингах.

Главные улицы города по вечерам стали представлять своеобразный клуб.

Тысячи групп и кучек, состоявших из разнородных элементов: рабочих, служащих, солдат, торгашей, крупных буржуа и пр. тесным кольцом обволакивали какого-нибудь „орателя" и его оппонента. Обыкновенно слушатели быстро делились на два лагеря и завязывался жестокий спор. Эти своеобразные, только революцией порожденные уличные диспуты затягивались далеко за полночь. Жизнь била ключом. Пролетарии все больше и больше проникались истинно-революционным духом, увлекая за собой даже эсеров, этих жалких вспышкопускателей.

Через месяц нами были уже созданы сильные боевые дружины. Оружие достали частью у местной воинской команды, частью извлекли из реки и др. тайников, где оно пряталось в течение 10-11 лет со времени роспуска боевых дружин, созданных по постановлению Стокгольмского Съезда Р. С.-Д. Р. П. (1906 г.).

Меньшевики, увидев свой полный провал в рабочих массах, начали закреплять за собой Совет. Создалось весьма своеобразное положение. Совет носил название „Рабочих и Солдатских Депутатов", а солдат не было (гарнизонный Совет существовал отдельно и целиком находился в руках офицерства), рабочие же представители были в меньшинстве. Зато было много учителей, лиц свободных профессий, домовладельцев, был даже один товарищ прокурора.

Все попытки нашей организации и настойчивые требования Завкомов о перевыборе Совета не имели успеха.

Совет своим большинством неизменно нас проваливал. Но в практической, повседневной жизни никакие усилия меньшевиков и их прокуроров не могли помешать развиваться и крепнуть истинно пролетарской власти. Меньшевистский Совет вынужден был согласиться со всеми требованиями завкомов и чутко прислушиваться к голосу нашей организации, ставшей центром и руководителем бурной жизни города. Наша боевая дружина взяла на себя охрану заводов и города. Все магазины были взяты на учет и закрыты. Товары отпускались только с ведома специальной комиссии.

Почта, телеграф, банк и пр. все охранялось патрулями боевой дружины. Всюду был от Совета контроль, конечно, большевистский.

Совдеп висел в воздухе и постепенно хирел. Не помогло и об'единение с солдатской частью Совета. Мы без труда выбросили офицеров из его состава, а солдаты в большинстве стали на нашу сторону.

Июльские дни в Питере окрылили надеждами и луганских меньшевиков. Уездный комиссар втородумец Нестеров, задумал даже какую-то провокацию против нашей организации, но это нам казалось глу-

пенькими шалостями ошалелых людей, по сравнению с той гигантской работой, которую развернула наша организация.

Наступило время выборов в городскую думу (июнь—июль). Все свои надежды, все лучшие чаяния отдали луганские меньшевики этой работе. Им так была нужна дума—ведь они чувствовали, что из Совета они скоро вылетят—на первых же выборах. Но городскую думу завоевали мы. Получив огромное большинство, по сравнению с другими партиями, (м-ки, к-де, эсеры), мы выбрали своего гор. голову А. И. Чер-икова и председателя гор. думы меня. Вскоре состоялись перевыборы Совета и мы получили около 95% всех депутатских мест. Я был избран и председателем Совета.

Началась еще более горячая, еще более тяжелая, но благодарная работа. Вспоминаю я свое председательствование на думских собраниях.

Чинно и важно собирались гласные, среди которых было несколько домовладельцев черносотенцев и, усевшись за столы, покрытые красным сукном, терпеливо сидели и ждали пока наша фракция в кабинете головы решит все вопросы.

Сколько ненависти, сколько ярой злости было против нашей фракции у так называемой революционной демократии. Но пролетарии держались твердо и вели свое дело совсем не худо. Наш молодой, но энергичный городской голова стал завоевывать симпатии даже среди мещанства. Наша городская земельная политика (у Луганска есть своя земля и лес) и др. хозяйственные мероприятия окончательно закрепили за нами симпатии широких городских масс.

Будучи хозяевами города, нам легче стало справляться с многими затруднениями на заводах. И некоторые материалы, и продовольствие, и даже кредит, все было использовано для удержания заводов на определенном уровне производительности. И нам это удавалось. Заводская администрация, получивши рабочий контроль, быстро превратилась в настоящую управляющую дирекцию, только посом крутила. Но дело шло не хуже, а много лучше, чем раньше, несмотря на саботаж, в котором не раз уличали высший персонал заводской администрации.

Наступили тревожные Корниловские дни. Местная буржуазия и свободные от дела меньшевики не скупились на провокацию, распространение всяческих слухов и т. п., снова для них явилась робкая надежда...

Нами был создан, под моим председательством, Военно-Революционный Комитет защиты Революции, куда вошли эсеры и сначала меньшевики. Ночью были переарестованы офицеры, некоторые буржуа и начальник гарнизона полковник Рата в. Охрана города и патрулирование были усилены. Вместо арестованных офицеров были назначены из Совета солдаты. Все эти невинные операции так подействовали на слабонервных меньшевиков, что они, вопреки своим «обычаям», не поставив нам даже ультиматума, сбежали из В. Р. К. Эсеры (двое) остались персонально, потом оба вошли в нашу партию. С этого времени Луганск, с его неугомонными пролетариями буквально превращается в боевой лагерь.

Дело в том, что соседство с Донобластью и старая оставшаяся от первой Революции, вражда между Красным Луганском и весьма Черным Доном, порождали массу вздорных и серьезных слухов, предположений и ожиданий.

Не проходило и дня, чтобы, по слухам, на Луганск не двигались казачьи сотни, полки и даже дивизии. На деле ничего этого не случилось, но в тоже время это заставило нашу красную гвардию (так, переменив название, именовалась боевая дружина) нести большие и тяжелые наряды. С тех пор я много видов видывал, но по совести должен сказать, такой добросовестной, такой самоотверженной и безкорыстной службы революции на боевых постах, как ее выполняли луганские пролетарии, я видел мало.

В дождь, невылазную грязь и холод, страшную темень ночи, шли группами красногвардейцы после трудового дня на заводе, за город, в степь и до утра, верными стражами оберегали всевозможные подступы к городу. И так не день, не два, а целые месяцы.

Для луганской организации в то время не стояло вопроса о возможности перехода власти к пролетариату, мы ждали только известия когда это случится, в полной уверенности, что не случиться этого не может.

Поэтому когда нужно было послать делегатов на 2 Всероссийский Съезд Советов ни меня, ни др. ответственных т.т. организация не пустила в полной уверенности, что переворот произойдет и нам на всякий случай лучше быть на месте.

Казаки и тут были главным мотивом, а наши патроны и паровозы фигурировали в качестве подкрепляющих доказательств.

Октябрьский переворот совершился. Луганская организация и весь пролетариат этого района вздохнул легко и радостно, он почувствовал теперь свою несокрушимость вместе со всем Россиийским Пролетариатом и еще упорнее принялся за дело пролетарского строительства.

На ряду со всей массой дела, луганская организация усердно вела работу по выборам в Учредительное Собрание. В нашем уезде мы получили около 80% всех поданных голосов. От нашего уезда были посланы в Учредилку И. Х. Лутовинов и я. В ноябре я выехал в Питер. Вернулся в Луганск только в Марте 1918 г. Немцы в это время уже занимали Киев и шли к Харькову. Средствами Луганского Совета был создан из луганских пролетариев в 540 человек отряд, во главе которого двинулся на встречу немцам. В продолжение месяца луганские пролетарии честно дрались с регулярными немецкими войсками у города Коротопа, не раз нанося врагу жестокий урон, а затем по приказу отошли к Харькову.

Тут же начинается длинная эпопея военных действий, о которых пусть расскажут другие.

В заключение скажу, что луганская организация дала Революции большое количество видных практических революционных работников, которые вышли в 1918 году вместе со многими отрядами из Луганска под давлением немецких полчищ и, подобно пишущему эти строки, не вернулись больше в этот поистине революционный пролетарский город, который являлся для нас не только об'ектом работы, но и прекрасной, пролетарской революционной школой.

А. КАМЕНСКИЙ.

Луганск в 1917—18 г.г.

Мы вступаем в 5-й год существования Советской власти. Мы празднуем 5-й октябрь. „Мудрые пророки“ из социал соглашательского лагеря с первых дней октябрьской революции предсказывали нашу нежизненность, наше близкое падение. Надежды их не покидают и теперь. Пусть! Нами пройден долгий, тернистый путь, он усеян трупами лучших сынов революции, но он очищен, он прочно подготовлен для строительства нового коммунистического мира. Мы с гордостью можем оглянуться назад. Мы отчетливо представляем себе еще многие большие трудности, требующие неимоверных преодолений, но за эти 4 года мы вышли еще более закаленными и, самое важное, мы теперь не так уж одиноки: нет той страны, в которой не было бы наших друзей, наших сподвижников, сердца которых в этот день бьются в унисон с нашими.

Отбиваясь более трех лет на всех фронтах от наседавших на нас контр-революционеров всего мира, стремясь всемерно востанавливать наше разрушенное хозяйство, мы слишком лишены возможности празднества, торжеств, но к 4-х летней годовщине великих завоеваний первой в мире Советской республики да позволено будет каждому ее участнику по мере сил записать свои воспоминания.

Мои воспоминания Октябрьского переворота будут весьма отличительны, но и характерны по отсутствию не только каких либо битв за образование Советской власти, но даже наличию каких либо ярких особенностей в эти дни, если, конечно, не считать чувства глубокого торжества и сознания победы пролетариата. Город Луганск, где находился я в дни Октябрьского переворота, этот город, в котором власть пролетариата, власть советов наступила почти с первых дней февральской революции, этот город в октябрьские дни лишь получил официальное закрепление власти советов, фактически уже там существовавшей и это обстоятельство лишний раз подчеркивает нашу безошибочность в понятии и подходе к революции и ее задачам в 1917 году. Лозунг власти советов, провозглашенный нашей партией с приездом в Россию великого вождя пролетарской революции В. И. Ленина, упорно непонимавшийся социал-соглашателями, был жизненен и доступен для пролетариата и там, где он был достаточно сплочен, там слишком скоро и безболезненно он был претворен в жизнь. Значение и смысл Советской власти в таких местностях понимались глубоко, мы давали себе отчет, что без захвата власти, армии, фабрик, заводов, банков в свои руки, никакой революции нам не завоевать, не удержать. В апреле—мае 17-го года наш Луганский совет, и характерно, тогда еще в первые дни, благодаря учителям, адвокатам, инженерам и пр. служилой, дряблой интеллигенции, в большинстве меньшевистский, благодаря тому, что пролетариат шел за нами—этот совет был у нас на поводу, мы имели уже свои боевые дружины, заводы и частная торговля регулировались нами, в июльские дни в самый свирепый разгул Керенщины, когда на нашу партию выливались ушаты лжи меньшевиками, эсерами вкупе с буржуазией,

когда партия наполовину была загнана в подполье, когда лучшие ея представители сидели по тюрьмам, когда великий вождь мировой революции В. И Ленин ушел в подполье, вынужденный скрываться от опричников Керенского—в июльские дни в Луганске волею пролетариата была избрана больш вис ская дума с председателем ее, ныне командующим Северо-Кавказским Округом тов. Ворошиловым, следовательно, даже по всем правилам меньшевистско-эсеровского и буржуазного демократизма, власть, воля народа была за нас.

Корниловская авантюра. Меньшевистско-эсеровская братия поднимает голову, саботирует революционный Комитет, но солдатская масса с нами, но у нас уже имелась своя рабочая дружина и жалкие царские полковники, по нашему указанию арестованные своими же солдатами навсегда нами удаляются. Во главе частей становятся наши, избранные из солдатской среды, товарищи. Корниловская авантюра еще раз подчеркнула нам и дала возможность подчеркнуть и пролетариату, что только полный захват власти гарантирует нам сохранение завоеваний революции. Буржуазия, директора ее заводов, фабрик, не смеющие открыто выступать, устраивают замаскированный локаут и в сознание рабочих легко вселяется необходимость захвата промышленности. Все это было осознано до Октябрьского переворота и на другой день после него совершено безболезненно мною, с небольшой группой, национализируются банки, заводы и во главе большого из них Гартманского машиностроительного становлюсь я в качестве председателя правления. Идут выборы в учредилку и по нашему уезду подавляющим большинством проходит наш список. Влияние наше растет, крепнет, но два момента нарушают наше строительство, кстати сказать, довольно успешно развивавшееся с первых дней октябрьской революции и на заводах, и на рудниках—мы часть Украины, мы на границе Донской Области.

Несмотря на то, что мелко-буржуазные самостийники, понимавшие, что только Советская власть признает автономию Украины, внешне поддерживали нас, мы не поддавались обману и знали, что борьба за сохранение пролетарской Советской власти неизбежна и очень скоро нам пришлось вступить в открытую вооруженную борьбу с гайдамаками, параллельно с этим восстали контр-революционеры Дона, с которыми уже в ноябре нам пришлось вести бои. Поскольку была сильна Советская власть в этом небольшом, но пролетарски героическом городе, видно из того, что несмотря на присутствие в самом городе полков гайдамаков и наступления на него донских контр-революционеров, мы с одними рабочими дружинами удерживали власть в своих руках до апреля 18 года—момента прихода на помощь донским и украинским контр-революционерам германских полчищ. Первыми и лучшими отрядами разразившейся скоро гражданской войны, были отряды рабочих Луганска и прилегающих к нему рудников. Если без боев, без усилий была осуществлена Советская власть в г. Луганске и Донецком бассейне, то в числе первых им пришлось с оружием в руках с наскоро сколоченным отрядом повести упорную, долгую, кровопролитнейшую борьбу с гайдамаками, донским казачеством и германскими полчищами за сохранение Советской власти. Только сильная вера в Советскую власть могла сплотить количественно слабые отряды, только глубокое сознание своей правоты могло заставить этих беззаветных героев полгода удерживать за собой этот славный пролетарский Луганск.

Апрель—июнь 17 года, длиннейший, труднейший переход от Луганска к Царицыну через контр-революционный Дон. Впереди взорванные мосты, сбоков—наседающие казаки во главе с генералом Мамонтовым, сзади—преследующие немецкие полчища, сверху немецкая эскадрилья аэропланов, внутри нас—разрозненные, приставшие к нам со Зверево, Миллерово отряды и эшелоны, тянувшиеся на 20 верст. Масса ценного имущества, орудий, вооружений, снаряжений, отрезанность от всего мира, ни радио, ни телеграфной связи с Советской Россией, неизвестность впереди, тысячи беженцев, женщин, детей—все это во что бы то ни стало должно быть сохранено, на все это покушались донские контр-революционеры, понимавшие, что, получив все это, а следовательно, при этом и разгромив нас, они получат возможность снарядить, вооружить десятки тысяч обманутых казаков, они получат свободный путь на слабо, в то время защищенную Советскую Россию. Этого нельзя было допустить и здесь историческую роль сыграли небольшие кадры луганских и донецких рабочих и, главным образом, руководивший ими, стойкий, мужественный революционер тов. Ворошилов. Этот переход великий, небывалый в мире оценят историки, так же, как и значение нашего подхода к совершенно оголенному Царицыну в момент, когда на Волге уже свирепствовала контр-революция при помощи чехо-словаков и когда небольшими частями казаков мог быть занят Царицын и дать им возможность создать единый общий фронт и нам, таким образом, быть может более сильные, более тяжелые испытания, но это было предотвращено. Под руководством могучей воли тов. Ворошилова, при поддержке небольшой группы товарищей—эти разрозненные части, пополненные в дороге донскими крестьянами, пришли к Царицыну уже закаленной армией (впоследствии преобразованной в 10-ю армию), они сохранили и доставили десятки эшелонов в Царицын, они заставили контр-революционных казаков дорогой ценой десятков тысяч своих жизней заплатить за попытку ликвидировать нас.

Н. КОПЫЛОВ.

Октябрь в Екатеринославе и Туле.

Октябрьский переворот застал меня в Екатеринославе. Глубокой ночью 25 октября мне позвонили на квартиру, предложив притти в Исполком. Ничего не подозревая, отправляюсь. В кабинете председателя Совета т. Гринбаума (Кржеминского) я застал председателей всех советских фракций. Ни одна фракция не была хорошо информирована о тактической линии своего центра и на этой почве происходили забавные курьезы. Бундовцы, на другой день после Октябрьского переворота, занявшие непримиримую позицию к новой Советской власти, в эту ночь вносили самые радикальные предложения, вплоть до предложения присоединиться к Петрограду. Меньшевики и эс—эры предлагали „погодить", выждать решений своих верхов.

На совещании присутствовали не только представители злейших белогвардейских „социалистических" партий, но и кадеты из городской Думы. Представителей нашей партии, кроме меня, на этом совещании было трое или четверо. В конце концов, чтобы притти к чему нибудь, разбились на фракции. Мы с самого начала заняли вполне определенную позицию, решительно высказавшись за безоговорочное присоединение к Петрограду, за признание центральной Советской власти, за выделение Ревкома и провозглашение власти Советов в Екатеринославе.

Украинские эс эры предложили об'явить самостийность Украины и признать власть Центральной РАДЫ. Соглашаясь с самостийностью, мы вносили керректив: самостайность Советская.

После переговоров, длившихся всю ночь, мы, наконец, пришли к компромиссному решению: созвать немедленно пленум Совета с участием завкомов и правлений профсоюзов.

На пленуме все фракции выступили с открытым забралом. Единственными защитниками Советской власти была наша фракция. Большинство в совете было не за нами, но Совет явно переставал уже представлять места. Заводы шли за нами.

Пленум, подкрепленный завкомами, большинством голосов высказался за переход власти в руки советов, но мы не сумели использовать победы одержанной голосами рабочих Брянского и Амурских заводов. Упустили „мелочь". Выборы военнореволюционного комитета на пленуме, давшие-бы без сомнения большинство нашей партии, были перенесены на пленум совета без участия фабрично-заводских комитетов и правлений профсоюзов и Ревком был избран из представителей всех фракций, включая городскую думу со всеми ее буржуазными оттенками. Президиум военнореволюционного комитета был составлен, правда, в большинстве из наших представителей, но это не спасло его от зависимости пленума комитета, аннулировавшего все сколько нибудь революционные постановление президиума.

Положение оставалось крайне запутанным. Рабочие массы бурлили и негодовали.

Помню огромную демонстрацию против буржуазной лжи, требовавшую закрытия пошленькой буржуазной газеты „Приднепровский Край".

Уступая давлению масс, президиум Ревкома был вынужден закрыть газету, но вокруг этого постановления кадетами и всеми остальными фракциями был поднят такой вой, что пленуму Ревкома ничего неоставалось, как аннулировать постановление своего президиума.

В нашем парткомитете было далеко не все благополучно. Правая часть была настроена соглашательски, во всей ее линии чувствовалась неуверенность, робость и сомнение в своей силе. Президиум Ревкома отражал тактику правой части нашего парткома. Борьба велась за армию, но бывшие в Екатеринославе два полка представляли из себя какое-то болото.

Помню один случай. Я и известная Спиридонова, выступали в одном полку, где удалось провести нашу резолюцию с самой резкой критикой расхлябанной линии Ревкома. На другой день в тот-же полк явился городской голова, правый эс-эр и провел свою резолюцию.

К организации красной гвардии не приступали. Дума и Ревком явно гнули линию Керенского. Телеграф не передавал ни одной депеши из Петрограда и новости мы узнавали только из газет.

„Звезда", редактором которой был я, вела твердую линию и беспощадно разоблачала шатания Ревкома. На этой почве происходили столкновения с большинством Ревкома, но неестественное сожительство с эс-эровско-меньшевистской братией тем не менее продолжалось. До открытых вооруженных столкновений пока не доходило, но конфликт назревал.

Брянский завод вооружался и готовил броневики; в ноябре стала организовываться Красная Гвардия. До развязки конфликта и разрыва коалиции, когда самостийные гайдамаки начали бомбардировать совет и Брянский завод, я не дожил в Екатеринославе. По причинам партийного характера в конце ноября я был откомандирован в Тулу.

В Туле в это время октябрьские дни только начинались. Тульский совет в большинстве был также меньшевистско-эс-эровский, но общие условия были неизмеримо благоприятней екатеринославских. Выборы в учредительное собрание половину мест дали нашей партии. В городе, хотя рабочие в большинстве плелись в хвосте за меньшевиками и эс-эрами, но все-же, это были не украинские гайдамаки.

Несколько раз на пленуме совета ставился вопрос о власти, но каждый раз проваливался, пока, наконец, точно не помню, как будто 6 декабря, мы получили случайное большинство на пленуме. Воспользовались этим для немедленной передачи власти из рук коалиционного „комитета спасения революции" в руки совета. К следующему пленуму удалось от многочисленной эс-эровской фракции отколоть левых эс-эров, благодаря чему в совете у нас образовалось прочное большинство. Меньшевики и эс-эры разразились яростными статьями в своих газетах, но дальше этого дело не пошло.

Губернский с'езд советов, созванный в январе 1918 года, санкционировал почти единогласно мирный переворот и на этом собственно и кончаются „октябрьские дни" в Туле.

Еще до формального провозглашения советской власти в Туле там уже существовала хотя сравнительно и небольшая по количеству Красная Гвардия, в руках которой, тем не менее, находился такой важный в военно-стратегическом отношении пункт, как городской арсенал. Оружие очень

часто, несмотря на протесты формально существовшей власти „комитета спасения“ направлялось в Москву и выдавалось для вооружения Красной Гвардии. Вот и вся внешняя сторона октябрьской революции, свидетелем и участником которой мне пришлось быть. Что касается конституции и текущей работы, то в этом отношении провинция слепо следовала центру.

В Тульской губернии был, например, учрежден свой военно-революционный комитет, переименованный затем в „совет комиссаров“, под таким именем существовавший 2—3 месяца. Власть на местах, как и всюду, первое время носила следы расхлябанности, неорганизованности, но мало-по-малу новый аппарат вбирал в себя старые сгнившие учреждения: городскую думу, земство, выравнялся, становился совершеннее, менее громоздким.

В частности, мне не пришлось принимать близкого участия в организации советской власти. Как и в Екатеринославе, мне была поручена газета и работа в парткомитете. Деятельность партийного комитета в то время далеко не охватывала тех границ, в каких она протекает сейчас. Передвижения, назначения на тот или иной пост происходили без ведома комитета и бывали моменты, когда я, будучи председателем комитета, только из газетных материалов узнавал такого рода распоряжения власти, которые в настоящее время нигде немыслимы без контроля и санкции Губкома.

Потребовалось не мало времени для того, чтобы обязать строгой отчетностью не только фракции пленума, но и президиум Губисполкома. Все конечно сразу не дается, в особенности при отсутствии опыта и опытного кадра работников, но уже к первой годовщине Октябрьской Революции Тула стала неузнаваема и власть, по всем понятным причинам, все еще далекая от совершенства, все же далеко ушла вперед за год.

Все, что может сделать один человек да еще при отсутствии всякого материала, это осветить уголок великого Октября в том месте, где он его застал и не вина, конечно, автора, что его „Октябрь“ был серым, тусклым, настоящим октябрем, хотя в конечном счете с теми же результатам, как и октябрьская буря в Москве с массовым движением и уличными баррикадами.

Я. ИОФФЕ.

Из моих воспоминаний.

Рабочее революционное движение 1917 года, как известно, прошло две преемственные фазы, последовательно вытекающие одна из другой—Февральские и Мартовские события 1917 года рождают Октябрьские. Оба исторические события составляют звенья одного и того же исторического общественного процесса. В данной статье я не берусь подвести итоги и дать историческую оценку событиям: это дело историка Р. К. П. Моя задача скромная: я хочу просто поделиться с пролетарскими читателями и товарищами по партии воспоминаниями революционного прошлого.

Февральско-мартовский переворот 1917 года застиг меня в г. Минске. Наша организация была весьма малочисленна: члены ее насчитывались единицами и, естественно, наше влияние было весьма незначительно.

Первый Совет Р. и С. Д. состоял в подавляющем большинстве своем из меньшевиков различной окраски (Интернационалистов, оборонцев), бундовцев и эсеров—правых и левых—и даже ликвидаторов. Первым председателем Минского Совдепа был тов. Позерн.

В виду малочисленности нашей организации, мы первое время работали об'единенно с меньшевиками, составляли об'единенную С.-Д. организацию.

По мере того, как с фронта, расположенного недалеко от Минска, прибывали революционно-настроенные солдатские депутаты и члены нашей партии, последняя обогатилась и качественно и количественно. Расхождения между нами и меньшевиками делались более глубокими и резкими. Особенно это выявлялось на об'единенных собраниях и диспутах в читальне при Совдепе.

Лидерами и столпами меньшевистского течения были Пайкес и Фишгендлер. Нашими же идейными руководителями была целая плеяда даровитых и талантливых товарищей в лице Мясникова, Щукина, Ландерн, Наумова—(впоследствии председатель Иваново-Вознесенского Совдепа), Могилевского, Мандельштама, Фомина, Громашевского и др.

Первое время у нас не было своего революционного печатного органа, который об'единял и направлял бы и вместе с тем углублял бы дело революции. Необходимость в таком органе тем более чувствовалась, что боевой фронт буквально тонул и наводнялся эсеровской литературой и газетами. Наши же газеты „Петроградская Правда“ и Московский „Социал-Демократ“ часто не достигали фронта, благодаря тому, что целыми тюками уничтожались опытными невидимыми руками провокаторов, частью доставлялись нам, вообще, в небольшом количестве.

Одно время мы пытались войти в блок с меньшевиками—интернационалистами и совместно издавать газету „Интернационал“. Но от этой мысли пришлось вскоре отказаться, ибо меньшевик остается меньшевиком, несмотря на все ярлыки, которые он пристегивает себе в роде „интернационализма“ и т. д.

Материальных средств у нашей организации было очень мало. Пожертвованиями и добровольными членскими взносами была сколочена небольшая сумма и приступлено к изданию газеты „Звезда".

Газета „Звезда" выходила ежедневно. Особенно большое распространение она получила на фронте. Делегаты с фронта приезжали в Минск и забирали все номера. Но недолго просуществовала наша газета. По распоряжению главнокомандующего, типография, в которой печаталась наша газета, была оцеплена казаками и милицией, при чем некоторые товарищи наборщики были арестованы и газета на некоторое время прекратила свое существование.

Скоро мы стали издавать новую газету под названием «Молот», которая просуществовала непродолжительное время; она также была распоряжением Временного Правительства закрыта.

Закрытие этой газеты не остановило нашей революционной деятельности, и мы стали выпускать газету „Буревестник". Но недолго выходила эта газета под этим названием.

Октябрьский переворот положил конец преследованиям большевистской печати, и газета со старым названием „Звезда", стала вновь выходить, как официальный орган нашей партии. Такими методами и приемами боролись враги трудящихся масс с большевизмом. Но не в одной этой области боролись контр-революционеры с нашей пропагандой. На уличных митингах буржуазные интеллигенты, торговцы, мещане, эсеры, меньшевики не давали слова нашим товарищам и заглушали криками «долой немецкого шпиона и предателя».

Порой цинизм контр-революционного сброда доходил до того, что натравливали солдатские и несознательные массы на ораторов членов нашей партии и сочувствующих нам.

Дело кончалось дикой кулачной расправой на многолюдных улицах и площадях. Так расправлялись контр-революционеры с ненавистными им большевиками.

Недалеко от Совдепа мне пришлось вмешаться в толпу солдат, споривших о том, продолжать ли войну далее или прекратить. Большинство из этой публики были тыловые солдаты, маменькины сынки, застрахованные от фронта и не дали мне закончить своей речи. Под влиянием «Коноводов» из буржуазной интеллигенции ряд кулаков посыпался по моей голове, точно молотами. Моя жизнь была в опасности. К счастью Совдеп был недалек и тов. депутаты Совдепа, извещенные об этом случае, прибежали и выручили меня.

Помнятся мне хорошо парады Гучкова и др. членов Временного Правительства, которые приезжали в Минск настраивать войска на воинственный лад и вообще поднять боевое настроение медовыми речами. С этой целью выступали у нас в Минске в здании Комитета фронтового с'езда социал-патриоты из Франции, Англии и Италии.

Между ними был знаменитый Кошен, яростно жестикулировавший и нападавший на немцев. После перевода их речей, солдатские депутаты резко протестовали против этих патриотических речей «посланцев».

Переломные, так сказать, решающие моменты октябрьского переворота были поистине беспримерны по своей героичности. Меньшевики и эсеры, об'единившись, всеми своими усилиями старались подавить нараставшую волну революционного под'ема против действий и политики Вре-

менного Правительства. Одновременно с переворотом в Петербурге, заволновался и боевой фронт. Делегаты с фронта прямо заявляли о готовности боевых частей поддержать выступление, направленное к свержению Временного Правительства.

Меньшевики, эсеры уговорились с белогвардейским командованием: вызвали «дикую дивизию», которая расположилась в Минске.

На помощь нашей организации революционный боевой фронт послал надежные войсковые части и броневики.

Благодаря своевременно принятым нашей организацией мерам, мы стали грозной внушительной силой для своих противников, и в результате не только освободились от возможности быть раздавленными и арестованными, но задержали те части войск, которые были вызваны в Петербург для подавления октябрьского восстания.

Минская организация, таким образом, сыграла видную роль в торжестве Октябрьской Революции 1917 г.

А. МУРАЛОВ.

Деревня перед октябрем.

Октябрьские события в Алексине-Тульской губ., где в это время мне пришлось находиться, проходили внешне тихо. Город небольшой, близость Москвы, значительность разыгрывающихся событий, которая всеми чувствовалась и заставляла ждать результатов, близость Калуги, где значительный гарнизон и революционность его настроения, а также соседство с Тулой—подавляли внешне и внутренне процессы, которые развивались и складывались в местности, до известной степени захолустной, но бурлящей и кипящей общими революционными страстями.

Связь населения уезда, по преимуществу крестьянского, с пролетарскими соседними центрами Москвы, Серпухово, Тулы, значительное количество которого работало на фабриках, заводах этих городов, приплив молодых революционных сил с фронта, создали необходимый крепкий, дружный революционный кадр товарищей, тесно связанный с одной стороны, с крестьянством уезда—волостями и сельскими обществами, с другой, с передовым пролетариатом фабрик, заводов Москвы, Серпухово и друг.

Процесс революционной работы, проведенной с начала марта по октябрь, достаточно подготовил уезд к тому, чтобы политическую развязку перенести в Москву. Показателем этого служит соотношение сил посланных от уезда на Московский крестьянский с'езд в сентябре м-це 1917 г., куда послано было трое, из которых два большевика и один эсер.

Эти обстоятельства характеризуют поэтому внешне обстановку, как тихую, внутренне значительно ценную и громадную для прочности влияния пролетариата на крестьянство.

Вскоре же после февральской революции власть в Алексине очутилась в руках двух бывших земских начальников—Скобелина и Орлова (председат. уездного исполнительного к-та и уездного комиссар.), конечно под прикрытием демократических лозунгов и красных лент через плечо. Понадобился только месяц для предварительной организации революционных элементов, установления связи с крестьянством волостей и сельских обществ и соответствующего руководства ими, чтобы помещичьих комиссаров сковернуть, правда, почти суточным непрерывным напряженным и страстным заседанием с провокаторскими попытками натравить гарнизон и расправиться кровавыми способами со стороны офицерства, городского мещанства и помещиков.

Несмотря на сопротивление губернии, где во главе стоял меньшевик, тем не менее этот переворот удался и в дальнейшем организация революционных сил шла по пути сближения крестьянства с рабочими.

Организация земельных к-тов, лесного, вопросы, связанные с распределением лугов, земли, посева, подготовили и сорганизовали уезд—в од-

ном: немедленной передачи земли в руки земельных комитетов, составленных из крестьян и рабочих.

На этой почве началась уже с весны и лета борьба с губернией. Приказания об аресте волостных председателей земельных к-тов, изгоняющих помещиков из своих гнезд, не исполнялись, ибо уездная организация—уездн. земельн. к-т, лесной, уездный комиссар был в руках рабоче-крестьянской организации.

Губернская власть перестала отпускать хлеб.

Уезд стал самостоятельно заводить связи с волостями и уездами Тульской губ. Борьба разросталась. Постановления Алексинского уезда о покосах, о взносе платы за землю в земельные к-ты стала применяться в большинстве уездов Тульской губ. На губерско-крестянском с'езде в июне м це единодушно приняты были постановления, идущие в разрез с Врем. Правительством и Ракитниковым, заместителем Чернова, они были отменены и предписано было Губернскому комиссару решительно бороться с этими решениями. После этого пошли аресты членов земельных комитетов, которые приступили к проведению постановлений с'езда. Несколько десятков арестованных крестьянских революционеров за энергичную борьбу с помещиками наполнили Тульские арестные помещения. Тульский совет рабочих депутатов, возглавляемый меньшевиками, не отменил ареста, при энергичном протесте Алексинских делегатов. Таким образом, уместными мероприятиями в земельных вопросах, Алексинский уезд в достаточной степени об'единил рабочих и крестьян против помещиков и уже в октябре (до переворота) на уездном земельном с'езде была выработана и принята инструкция о полном отобрании земли у помещиков с подразделением на земли: немедленно поступающие в надел крестьянам и остающиеся в целости, как племенные и культурные рассадники („кульхозы").

После арестов и разгона земельных к-ов, Тульскую губернию охватил параксизм громления помещичьих гнезд, явившийся результатом земельн. политики Временного Правительства. Волна погромов докатывалась и до Алексинского, но своевременными вышеуказанными мероприятиями удалось парализовать это стремление. Здесь необходимо отметить правильность уже отмеченного наблюдения, что самыми активными погромщиками помещичьих имений было крестьянское кулачество.

Алексинское кулачество долго не могло простить сохранение кульхозов и совхозов и всячески и упорно домогалось их укорочения и обкарнания.

К октябрьским событиям сорганизовалась небольшая, но сплоченная группа работников, которая в живой практической работе поднималась со ступеньки на ступеньку и вела и руководила всем населением, сплачиваясь и организуясь для более сложных мероприятий.

Настали октябрьские дни, наступило внешне затишье, связь с Москвой прервалась. Тревожное настроение охватило всех. Известия поступали отрывочно и главным образом из лагеря свергнутой власти, от всероссийск. к-та спасения родины, из Саратова, Мурманска и других городов, по мере успешности борьбы в Питере и Москве все более и более отдаленных от центра.

В этих телеграммах говорилось, „что заманчивые лозунги и заявления, которыми пытаются большевики соблазнить народные массы, бесчувственны и демагогичны“, и тут же разводилась самая безудержанная демагогия. Хотя и в извращенном изложении, тем не менее мы узнавали об обращении совета народных комиссаров к воюющим странам с предложением заключения мира и т. д.

Внутри уезда положение также не было спокойно. От всех волостей поступали тревожные донесения о возможности разгромов имений, вывоза и разбора продовольствия и т. д. Внутренняя напряженная практическая работа усиливала энергию по сохранению порядка и организации охраны путей, мостов. Тула посылала помощь Москве, получались сведения, что казачьи части находились в Калуге, в полном вооружении направляются на Тулу и т. д.

Необходимость разоружения с одной стороны, с другой организация порядка в уезде толкали на поиски подмоги, которая оказалась в соседнем Петровском заводе с большой большевистской организацией.

В дальнейшем продвижение воинских эшелонов через Алексино протекала под совместным контролем с Петровской организацией. С другой стороны, в Тула в случаях опасности спаялась с Алексиным на предмет задержания того или иного поезда.

Первым „настоящим“ известием была телеграмма, полученная из Москвы от 5 ноября (по старому стилю) о „здоровье“. Работа еще более закипела, работы еще более прибавилось. Началась подготовка к выборам в Учредительное собрание, работа не пропала даром. За список большевиков голосовало более половины. Демобилизация армии влила новые силы, за которые необходимо было приниматься для обработки, организации, необходимо было все время вести работу на курс укрепления союза рабочих и крестьян и для организации советской власти.

Октябрьский переворот вдунул новую энергию в пролетарскую часть населения и вместе с тем отколол в крестьянстве кулацкую часть от большинства. На уездных с'ездах стали появляться представители кулацких стремлений и вожделений и активно защищать свои интересы Классовые противоречия углубились и обострились среди крестьянства.

Содержание сборника

СТАТЬИ:

А. Бубнов—Рабочие и крестьяне в 1917—21 г. . . . . стр. 3.
Я. Рович—Историческая необходимость . . . . . „ 10.

ВОСПОМИНАНИЯ:

А. Бубнов—Ноябрь 1917 г. в Ростове . . . . . „ 15.
М. Жаков—Начало гражданской войны . . . . . „ 20.
Э. Валини (Шершевская)—На путях к завоеванию октября . . . . . „ 32.
Ф. Зявкин—Из революционных дней на Дону . . . . . „ 36.
А. Шотман—Тов. Ленин в подполье . . . . . „ 45.
Подгорный Октябрьские дни в Москве . . . . . „ 52.
Цихон—Октябрьские баррикады в Москве . . . . . „ 56.
А. Израилевич—Предпарламент и Смольный . . . . . „ 59.
Ворошилов—Из недавнего, бесконечно далекого, прошлого . . . . . „ 62.
А. Каменский—Луганск 1917—18 г.г. . . . . „ 67.
Н. Копылов—Октябрь в Екатеринославе и Туле . . . . . „ 70.
Я. Иоффе—Из моих воспоминаний . . . . . „ 73.
А. Муралов—Деревня перед октябрем . . . . . „ 76.

Донская областная комиссия по истории революции и Российской Коммунистической Партии обращается с просьбой ко всем членам РКП и гражданам Р. С. Ф. С. Р. присылать материалы и свои воспоминания о революционном движении на Дону.

Адрес Комиссии:

Ростов на Дону, ул. Фридриха Энгельса, д. № 106, 4-й этаж.

Р. В. Ц. Ростовдон. Отпеч. 7000 экз.

ЗНАНИЕ
СИЛА
Р.С.Ф.С.Р.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО